

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Ковал

НЕВЕСТА НА УИКЕНД

Алекс Коваль

Невеста на уикенд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67422309

SelfPub; 2022

Аннотация

Никогда не ведитесь на заманчивое предложение начальства!

Даже если перед вашим носом «машут» чеком с крупной суммой денег. Даже если «предложение» сулит вам пару дней в высшем обществе, куда не каждому суждено дотянуться. И уж тем более если ваш босс невероятно сексуальный тип!

Ну, а если уж умудрились так бездумно вляпаться, как это сделала я, согласившись сыграть роль невесты босса перед его аристократами родителями, то помните – главное держать лицо.

Ах, нет! Прошу прощения!

Главное не влюбиться в своего начальника, от одного взгляда которого дрожат коленки, а сердце бросается вскачь. И это мы еще даже не начали играть в «глубоко влюбленную друг в друга пару»...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Настя	10
Глава 2. Настя	15
Глава 3. Настя	19
Глава 4. Илья	27
Глава 5. Настя	33
Глава 6. Илья	42
Глава 7. Настя	52
Глава 8. Настя	58
Глава 9. Настя	69
Глава 10. Илья	78
Глава 11. Настя	85
Глава 12. Настя	95
Глава 13. Настя	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Алекс Коваль

Невеста на уикенд

Пролог

Я зла!

Я так зла, что сейчас готова обрушить первый попавшийся тяжелый предмет на голову своему “любимому” начальнику. Прямо чувствую, как нервно чешутся руки, и подмывает вскочить на ноги, но его темный, как сама ночь, взгляд пригвозждает к месту, а хмуро сведенные брови на красивом лице говорят: “Только пискни, Загорская, прихлопну”. Вот я и молчу. Секунда, две, три... десять.

– Вы ничего не хотите мне объяснить?! – шиплю змеей, не выдержав. Правило десяти секунд с треском провалилось.

– Т-с-с, Анастасия, – прикладывает палец к губам Сокольский и снова переключает все внимание на звонящего. Или звонящую... судя по всему, его мать. – Да, мам. Совершенно верно... что? – пауза, после которой желваки на лице мужчины буквально заходили от натуги, а у меня начали нервно балансировать на грани падения в пропасть остатки терпения. – Бред какой-то! Да... да, я помню про ваши традиции, ты мне о них с детства талдычишь...

Что? Какие традиции? Какое детство? У него вообще бы-

ло детство?! Мне кажется, Илья Сокольский уже родился с таким угрожающим спокойствием на лице и сразу тридцатисемилетний.

Но это все мелочи, а вот брошенное собеседнице как бы невзначай мое имя с формулировкой – подруга – заставило взбелениться и нервно ерзать на стуле в одном из самых фешенебельных ресторанов города, с бокалом вопиюще дорогого вина в разгар рабочего дня. Вот как чувствовала, как знала, что в этом приглашении пообедать есть подвох.

Получи, распишись, Анастасия.

– Ясно. Ждите, – наконец-то дождалась я финала беседы и сжала ножку бокала сильнее, когда легким движением руки босс прячет мобильник в карман пиджака и безапелляционно заявляет:

– Предстоящие выходные не занимай, я тебя арендую.

– Ч-ч-что?! – от такой наглости челюсть сжалась до скрипа, а внутри взбунтовалась жгучая ненависть к этому наглецу.

– Что слышала, Настя, – ни один мускул на лице начальника не дрогнул, зато у меня по спине прокатился холодок, и дыхание от возмущения перехватило. – На эти выходные ты в моем полном распоряжении.

– Что вы себе позволяете! – подскакиваю на ноги, отшвыривая салфетку, которая приземляется прямехонько в каменную грудь мужчины. – Я терпела все ваши измышления на работе, нечеловеческий график, дурацкие поручения, уни-

жения и кучу другой ерунды, Илья Сергеевич, но это уже предел! Я вам не кукла и не девушка легкого поведения, чтобы меня арендовать, – сжимаю кулаки и упрямо задираю нос.

В пропасть так в пропасть. Однако этого напыщенного мужлана мой гнев совершенно не прошибает. Только редкие посетители оглядываются на наш столик. Сокольский же сложил свои накачанные рельефные ручки на груди и смотрит, не мигая, будто прикидывая в уме, придушить здесь или лучше без лишних свидетелей?

– Сколько? – прозвучало убийственно спокойным голосом, разгоняя толпы мурашек по моей коже.

– Я, кажется, сказала...

– Думаю, ты не настолько глупа, чтобы отказываться от взаимовыгодного предложения, Анастасия, – подается вперед мужчина, упирая локти в стол.

– Это...

– Два дня, – снова затыкают меня. – Любые деньги, – поднимается на ноги мой начальник и, бросив взгляд на наручные часы, прячет руки в карманы темно-синих брюк. – Ты мне нужна, Загорская. Хочешь, для убедительности скажу: пожалуйста? – ухмыляется, словно издеваясь, мужчина.

– Я не... – хотела сказать “не продаюсь”, но слова застревают, так как вот деньги-то мне как раз и нужны. От слова очень. – Совершенно любые? Деньги... – прикусываю губу, когда выражение спокойствия на лице Сокольского сменяется удивлением. А я соображаю, как много могу выторговать

для себя в этой сделке? Возможно, хватит, чтобы покрыть весь долг?

– В пределах разумного.

Хотелось бы сказать, что наши с ним “пределы разумного” сильно разнятся, но тут же одергиваю себя, снова закипая, стоит только представить, что могут от меня потребовать за такие деньги.

– Я не собираюсь с вами спать! – выпаливаю, красная как рак, а Сокольский молчит. Правда всего мгновение, а потом с его горячих губ слетает хриплый и искренний смешок. Что? Он еще и смеется надо мной?

– Если бы мне нужны были секс-услуги, я бы позвонил одной из своих любовниц, Настя, – смотрит на меня снисходительно, как на несмышленного ребенка.

– Тогда что?

– Кто. Невеста.

– Что?! Да вы рехнулись?! – фыркаю и не могу сдержать нервный смех. Невеста. Серьезно? – Какая из меня невеста, тем более для... вас.

– Что во мне не так?

Ну, начнем с того, что вы каменная глыба без чувств и эмоций, а не человек.

– У нас слишком разный социальный статус, – выпалила, словно заученную фразу, и, кажется, Сокольский подумал точно так же.

– Неубедительно. От тебя много не потребуется. Невин-

но хлопать ресницами, чем ты владеешь в совершенстве, и преимущественно молчать, мило улыбаясь моим родителям. Четыре дня...

– Изначально речь шла о двух!

– Два там и по дню на перелет. Считаю, я грубо округлил.

– У вас всегда были проблемы с математикой.

– Загор-р-рская! – делает шаг мужчина, нависая скалой над моей сжавшейся от его приближения фигурой, обдавая ароматом дорожущего парфюма и совершенства. – Не забывайся.

– Это вы, кажется, перепутали меня с кем-то из своих пассий, Илья Сергеевич, – рычу ему в тон, хотя получается лишь жалкая пародия. – Почему я и зачем вам это? – складываю руки на груди, пытаюсь спрятать просыпающееся волнение и легкий мандраж.

И так всегда. Постоянно!

Стоит ему только нарушить мое личное пространство. А он, словно не замечая, какое производит устрашающее впечатление, еще и взирает на меня сверху вниз. Даже несмотря на то, что я на высоченных каблуках, которые и носить-то начала только чтобы не чувствовать себя коротышкой рядом с его внушительной фигурой, все равно на голову а то и две этот исполин выше.

Так что, девчонки, как не крути, а выше головы не прыгнешь.

– Все детали мы обсудим потом, если ты согласишься. Ду-

маю, круглая сумма на твоём счете будет тебе не лишней.

– Что вы имеете в виду?

– Раз уж ты унесла в отдел кадров заявление на увольнение, – выгибает бровь мужчина, гипнотизируя своим тяжелым взглядом. Буквально обжигая решимостью. И отчего-то в этот момент мне кажется, что на его лице промелькнула злость. Всего на мгновение, и тем не менее.

– Откуда вы... – запинаясь, тут же теряя всю спесь, так как очень надеялась, что о моем заявлении Сокольский узнает в самую последнюю очередь. Надеялась сбежать по-тихому... зачем-то.

– Это моя фирма. И как, думаю, ты успела заметить, я люблю все держать под контролем.

Даже и ответить на такое нечего. Просчиталась.

– После предстоящего уикенда заявление будет подписано.

И Добби будет свободен.

– Ну, так что, Анастасия? По рукам? – тянет мужчина свою большую ладонь, замирая в ожидании ответа.

Нет, я точно сошла с ума. Скорей всего я сама себе сейчас рою глубочайшую яму, но...

– Договорились.

Глава 1. Настя

– Что?! – завопила Ксю, подскакивая с места и чуть не опрокидывая на свой новенький джинсовый сарафан горячий кофе.

– Мдя... – пожимаю плечами.

– Только не говори, что ты согласилась? – выпучивает и без того большие глаза подруга, облокотившись на столик в уютной кафешке, что неподалеку от моей работы. И нависает надо мной грозовой тучей.

– А по-твоему, у меня есть выбор?

– Должен быть. Насть, ну это же бред! Это же... считай, эскорт.

– Я не собираюсь с ним спать, – морщусь, так как даже передергивает от такой перспективы. Нет, мой начальник совсем даже собой недурен, даже наоборот – мужчина-мечта, идеальный представитель сильного пола, но это только внешне. Характер же... туши свет, бросай гранату.

– Ха... ха-ха... – выдает что-то нечленораздельное подружка, и наконец-то присаживается своей пятой точкой на диванчик напротив, подперев подбородок руками.

– Что, совсем без вариантов, да?

– Скажем так, сыграть роль невесты каких-то несчастных пару дней – это выход из сложившейся в моей жизни ситуации с наименьшими потерями, – делаю глоток зеленого чая,

нервно комкая в пальчиках салфетку. — Либо я съезжу и какой-то жалкий уикенд поулыбаюсь родственничкам Сокольского, либо... — пожимаю плечами, так как даже озвучивать такое “либо” страшно.

— Кто эти люди, которым Пашка задолжал?

— Не знаю, Ксю. Но явно шутки шутить они не привыкли. И камень, брошенный в окно нашей квартиры, об этом прекрасно говорит. Если я не верну деньги, что задолжал Пашка, то рискую не просто потерять время, но и... здоровье, боже упаси...

За столиком виснет гробовая тишина, которую нарушает только стук Ксюшкиных ноготков по деревянной столешнице.

Подруга явно что-то обдумывает, а я и смысла-то в этом особого не вижу.

Согласилась? Согласилась. С положением вещей уже смирилась. Получу заветную цифру с энным количеством нулей на счет и уволюсь, высказав своему большому боссу все на прямую о тех двух годах ада, что пахала на него, как проклятая, не жалея ни сил, ни сна, ни личной жизни. Пахала, а повышение так и не заслужила. Ну, разве что мне оказали честь, позвав в... невесты. Но и тут, думаю, у него выхода особого не было.

Обидно.

Собственно, последней каплей моего терпения стало, когда умница я, с блестящим послужным списком и без едино-

го замечания, прокатилась мимо заветной должности. Зато одна из любовниц Сокольского теперь строит отдел кадров, задирая нос. Я ничем не хуже! Лучше! В тысячи раз, но я ведь с ним не сплю, правильно? Я только могу среди ночи подсакивать по его первому звонку и мчаться через весь город, чтобы поставить своему большому боссу чайник. Утрирую, конечно, но иногда и правда доходило до абсурда.

– Так, – неожиданно хлопает ладошкой по столу подруга и упрямо поджимает губы. Ох, это знакомое выражение непоколебимой решительности на ее лице не сулит ничего хорошего. – Ладно. Допустим. Но почему ты?

– Что, почему я?

– У него целый штат сотрудниц и с десятков любовниц. Почему бы не позвать кого-то из них?!

– Вот давай я наберу его номер, и ты сама у него спросишь! – начинаю злиться, так как и саму раздражает собственное незнание ответов на элементарные вопросы.

– Набирай.

– Ты шутишь?

Однако по лицу Ксю совершенно не похоже, что она шутит. Ох, мне кажется, дай ей волю и все явки с паролями, она бы за эти два года уже с десятков раз побила Сокольского, устав выслушивать мое вечное нытье на его тиранию.

Она вообще, в принципе, по жизни миниатюрный неформальный буксирчик. Ангел в душе, а внешне же совершенно не похожа на типичную девочку в стандартном понимании.

Милая, стройная, с такими пронзительными серыми глазами, что любая бы позавидовала, и я в том числе, со своими скромными зелеными. Но свою нежность и милость прячет за пирсингом и татуировками, любовью к рваным джинсам и косухам. Неприступная для всех, для меня же она подруга до мозга костей. Иногда у меня стойкое ощущение, что Ксюша возомнила себя моей мамочкой. Нет, ну серьезно, у нас разница-то всего в два года, мне двадцать четыре, а ей двадцать шесть, но забота от нее исходит такая, словно ей, как минимум, пятьдесят и она ждет от меня внуков.

– Нет уж-ки... спугнешь мой банковский чек, – складываю руки на груди, отвечая на ее упрямство своим. – Давай лучше подумаем, что мне нужно взять с собой в эту поездку? – увожу тему разговора в другую плоскость, и кажется, это прокатывает.

– Куда вы летите?

– Монако, – корчу гримасу, а Ксюша присвистывает. – Лазурный берег...

– Не дурно.

– То-то и оно. Собственная вилла. Это заставляет нервничать, правда? Ну, где я, а где лакшери-жизнь?

– Его предки, похоже, очень богаты... а зачем ему невеста, он что-нибудь сказал?

– Какие-то вопросы наследства. Мельком и вскользь, а когда я попросила уточнить, на меня рыкнули и сказали, что объяснят потом. В общем, все как всегда: Загорцева, ты

должна сделать то, не знаю что, пойти туда, не знаю куда.

– Ну-у-у, может, я и погорячилась, может, это не такой уж и плохой вариант, – разводит руками подруга и хитро улыбается, – и заработаешь денег, чтобы закрыть Пашкины долги, и-и-и найдешь себя богатого спонсора... на будущее, так сказать, – подмигивает Ксю, а я чуть не даплюсь воздухом от такой неожиданной перемены в настроении беседы, – одним махом двух зайцев убьем.

Подруга продолжает увлеченно и в красках расписывать мне предстоящую поездку, явно войдя во вкус, а меня переключило на слове "убьем".

Вот.

Главное, нам с Сокольским друг друга не убить, а зайцы – это так... второстепенное.

Глава 2. Настя

До дома добираюсь только ближе к вечеру и, блаженно скинув туфли, от которых уже гудят ступни, устало опускаюсь на пуфик в прихожей.

В квартире стоит приятный полумрак, и что самое главное – тишина, которая на мою гудящую голову словно бальзам на душу. Ксюша, с которой мы вот уже четыре года снимаем вместе скромную двухкомнатную квартирку в отдаленном от центра районе, сегодня на работе в ночную смену в модном баре. Поэтому жилье в моем полном распоряжении.

Далекie шесть лет назад, когда я – наивная простота – решила отправиться покорять столицу из глубинки, если бы не вовремя попавшаяся на моем пути Ксюша, я не знаю, как вообще повернулась бы моя жизнь. Денег не было, опыта работы тоже. Да вообще, кроме огромного желания выбиться в люди, подняться с того низа, в котором я жила, у меня ничего не было. Скромная сумка вещей с пожитками, оставшимися со времен детского дома, и амбиции.

Испугавшая меня своей решительностью и напористостью, тогда еще незнакомка, Ксения помогла с жильем, за которое в первые месяцы вообще не брала с меня денег, и устроила на мою первую работу в кафе официанткой. А уже когда я почувствовала, что могу и хочу большего, медленно, но верно сама начала карабкаться вверх. Поступила в универ

на заочное отделение и работала практически на убой, чтобы оплачивать пополам жилье, жизнь и учебу.

Честным трудом и упертостью за год я заслужила в том же кафе место администратора – и это, на секундочку, в девятнадцать – а через еще два стала управляющей. А уже потом, совершенно на авось, закинула резюме на должность делопроизводителя в фирму Сокольского. И каким-то чудом меня взяли. Уж не знаю, за что, но буквально на следующий день представитель фирмы пригласила на собеседование. И вот там... я впервые увидела эту каменную глыбу – Илью Сокольского, который за два года мою должность делопроизводителя превратил в “гордое” звание личной помощницы.

Если спросить, жалею ли я о том, что ушла с нагретого местечка в кафе?

Нет.

Точно нет. Несмотря на увеличившееся количество работы и иногда доводящего до нервного тика и дергающегося глаза начальника, я получила огромный опыт и графу в трудовой книжке. После работы в таком многомиллионном холдинге многие двери для меня стали открыты. Поэтому, раз тут мне повышение не светит, нужно идти дальше и смело перелистывать эту страницу.

А вот стоит только подумать об этой “странице” в своей жизни, как тут же воспоминания о дневном разговоре с Сокольским в ресторане приходят на ум. Интересно, через пару лет я посмеюсь, над такой ситуацией, случившейся в моей

жизни, или буду постыдно пытаться “выдрать” этот позорный лист из своей головы?

– Черт... – морщусь, потирая стучащие виски.

Во что я вляпалась? Ведь хотела тихо и спокойно уйти, но словно сама судьба противится этому, снова беспощадно забрасывая меня в лапы к этому начальнику-тирану.

Но время ныть уже прошло. Раз дала согласие, забирать свои слова обратно, к сожалению или к счастью, не привыкла. Тем более, очередное сообщение с угрозами, пришедшее пару часов назад, в очередной раз напомнило, что выхода у меня другого нет. Затесавшись со своими долгами где-то там между моим заявлением на увольнение и нашим с ним расставанием, бывший мудака очень и очень сильно подставил доверчивую меня, повесив на мои худенькие плечи огромный, по меркам моей заработной платы, долг. И достать такую огромную сумму быстро я могу исключительно с помощью Сокольского, так ненавистного мне секси-босса. А вот зачем это ему, даже думать не хочу.

Четыре дня, и я буду свободна, как ветер поле. И вот тогда точно начну жизнь с чистого листа!

Отпраздную свой день варенья и уеду куда-нибудь в деревенскую глушь, кабачки с помидорчиками выращивать. Хотя...

– Кого ты обманываешь, Загорская, – бубню себе под нос и с титаническими усилиями поднимаю свое брненное тело, отправляясь в душ. Сады и огороды я всегда ненавидела, да

и вряд ли решусь теперь вернуться к жизни за пределами мегаполиса. К хорошему сильно быстро привыкаешь.

После душа легкий ужин из йогурта и мюслей, и уже в начале десятого без сил залезаю под одеяло.

Завтра еще один тяжелый рабочий день, а потом... пятница.

Глава 3. Настя

А утро? Утро я никогда не любила. Вот прям от слов: совсем и совершенно! И сегодня оно меня встречает противной трелью мобильного, орущего на всю квартиру. Все естество бунтует против лишних движений, но звонок бьет по ушам. Поэтому, не разлепляя глаз, нащупываю на прикроватной тумбе воющий гаджет и сбрасываю вызов.

Нечего. Наверняка как по закону подлости у меня всего жалкие тридцать минут до звонка будильника осталось.

Вот досплю, а там, пожалуйста, пусть звонит, кто хочет, с удовольствием поболтаю по пути на работу.

Уже приготовилась снова утонуть с головой в сладких грезах, но не тут-то было. Трель повторяется снова и снова, раз за разом поднимая волну гнева все больше, и в итоге я сдаюсь и поднимаю трубку с единственным желанием обматерить вызывающего абонента, оказавшегося чересчур настойчивым и...

– Загор-р-рская! – рычащим не хуже хищника, так, что я даже подскочила на постели, стягивая с глаз маску для сна и бросая взгляд на часы.

– Я еще не проспала! – воплю хриплым после сна голосом в ответ на звонок начальника. – Пять тридцать! – хлопаю кулаком по кровати от злости, мысленно сжимая пальчики на его мощной шее.

– Через час подъеду за тобой, чтобы была готова.

– Что? К чему готова? Сегодня же еще только четверг! – пыхчу возмущенно, но меня уже не слушают, сбрасывая вызов. Вот опять. Снова все по кругу. И то, что у меня рабочий день длится с десяти и до пяти, он совершенно не берет в расчет. То, что время с пяти вечера до десяти утра – мое личное, его абсолютно не интересует.

Господи, дай мне сил, а главное, терпения.

Но как бы я не пыхтела, делать нечего, приходится подниматься с кровати и варить себе убийственную дозу горького кофе и насильно впихивать в своей еще спящий организм завтрак.

Проходя мимо комнаты подруги, ночная смена в баре у которой заканчивается только в четыре ночи, с завистью отмечаю, как она сладко спит. А вот мне досмотреть свой сон не дали.

Контрастный душ для бодрости, и ровно через час спускаюсь в удивительно холодное для лета утро. Мнусь под пронизывающим ветром и кутаюсь в кардиган как раз в тот момент, когда к подъезду заруливает дорогой мерседес Сокольского, сверкающий своей белизной и буквально режущий глаза от блеска.

Водитель уже бодр и свеж, словно сейчас не половина седьмого утра, а все двенадцать. В идеально скроенном по его фигуре черном костюме с белой рубашкой и с неизменным равнодушием на суровом лице.

– Доброе утро, – открываю дверь и заползаю на пассажирское сиденье, пристегиваясь.

– Доброе, – бросают мне и тут же давят по газам, срываясь с места.

В машине сногсшибательно пахнет кожаным салоном и мужским парфюмом. Крышесносное сочетание, которое ударяет в нос, и стоит приложить усилия, чтобы не выдать своего глупого восхищения. Идеально, чисто, уютно, ни пылинки. Собственно, Сокольский тот еще педант, у него и на рабочем столе-то лишнего листочка не встретишь.

– Куда мы едем? – решаюсь нарушить установившуюся между нами тишину, так как неизвестность уже душит. Никогда не знаешь, что у этого мужчины на уме.

– По магазинам и в салон.

– Какие магазины и салоны работают в семь утра? – мне кажется, я сейчас очень сильно похожа на бубняще-ворчащую бабку, но ничего не могу с собой поделать. Сон для меня – святая вещь, и я обычно сильно недовольна, когда меня его лишают просто потому, что кому-то так вздумалось.

– Эксклюзивные. Которые открываются по одному моему звонку.

– Хорошо, – киваю. – Зачем нам магазины? – не собираюсь отставать от начальника, который, уверенно лавируя между машинами, топит под двести, совершенно не соблюдая скоростные режимы.

– Тебе нужно подобрать соответствующий моему статусу

гардероб, – отчеканила статуя, сжимая руки на баранке руля сильнее. А мне что-то в этот момент так обидно стало, словно меня, как котенка, в лужу носом ткнули.

– Чем вас не устраивает мой гардероб? – воинственно складываю руки на груди и упрямо задираю подбородок, не сводя глаз с его точеного профиля. – Ни один из моих бывших на мой вкус в одежде не жаловался.

– Так я и не жалуясь, – усмехается Сокольский, притормаживая на светофоре и поворачиваясь ко мне, небрежно облокотившись на подлокотник. – Без обид, но в том “мире”, где мы окажемся, тряпки и бренды слишком большое имеют значение, – морщится мужчина, а я не могу удержать своего недовольного фырканья.

– Вы так говорите, как будто в этом Монте-Карло не люди живут.

– Не люди, – кивает Илья. – Миллионеры.

И что самое интересное, себя Сокольский к “ним” не причисляет, хотя каждый второй модный журнал вопит о том, какой он завидный жених с космическими суммами доходов за год.

– Ясно.

Вопросов нет. Только если все тот же один: куда я вляпалась? Меня с моим простодушием и опытом в таких “играх” растопчут, как букашку, путающуюся в ногах. Вся надежда только на то, что мой большой босс знает, что делает.

– Покурю? – слышу весьма неожиданный вопрос спустя

непродолжительное молчание. – Ты не против?

– Вы сейчас серьезно это спросили? – удивленно кошу взгляд на водителя, который занес руку над пачкой с сигаретами и замер.

– Что? – совершенно гениальное выдают в ответ на мой вопрос.

– Ничего, забудьте. И да, конечно, – отмахиваюсь, так как глупо ему объяснять, что немного не в его стиле заботиться о ком-то, кроме себя. Но Сокольский оказывается проницательней, чем я думала.

– Я не такая сволочь, каким ты меня считаешь, Настя, – еще более неожиданное.

За все два года, что я честно и терпеливо выполняла обязанности его секретарши, мы нормально, словами, и пару раз не обмолвились. Все рыки, указы, приказы.

– Я и не считаю вас сволочью, – говорю и тут же отвожу взгляд, пока не утонула в его пугающе черных глаза.

И да, я вру. Нагло вру. И он это улавливает, но ничего не отвечает, только усмехается, тут же переводя все свое внимание на дорогу.

А стоит нам только доехать до первого ТРЦ и оказаться в первом же бутике с кричащей своей дороговизной вывеской и не менее кричащими ценниками, у меня захватывает дух, а Илья Сергеевич, похоже, входит в азарт и с рвением берется за игру “одень-раздень невесту”.

Это очень странно: ходить по отделу женской одежды в

сопровождении своего непосредственного руководителя, который в обычное время и мельком не заостряет свое внимание на твоей одежде.

Костюм?

Ок, пусть будет костюм.

Юбка?

“О, Настя, какие ноги!” – хотелось бы услышать.

Ан нет. Ровно ему. А здесь же каждая “тряпка”, хоть за такое количество нулей даже неудобно называть эти вещи тряпками, каждая вещица удосуживается его строжайшей оценки. Что дает повод лишний раз убедиться в том, что бабник он еще тот, да и в женщинах разбирается достаточно неплохо, потому что “фильтрует” мои будущие наряды только так, своим цепким взглядом.

А меня же чуть ли не передергивает от чувства дискомфорта. Мало того, что продавцы-консультанты облепили меня, как мухи, так еще и его грозные рыки с кожаного диванчика, где он устроился с чашкой кофе и то и дело поглядывает на часы, нервирует знатно.

Я вообще любительницей магазинов и шопинга никогда не была. От марок никаких не тащилась и не готова была тратить большую часть своей зарплаты на модное пальтишко из новой коллекции. Но при этом чувство стиля все-таки у меня было, и в безвкусице меня обвинить ну никак нельзя.

Однако мои скромные, по ценам, вещички явно сильно не угодили Сокольскому, и он вознамерился выложить на но-

вые наряды “для своей невесты” мою годовую зарплату, не меньше. Интересно, а после всего устроенного нами фарса эти вещи он оставит себе?

Больше всего порадовало, что хоть в магазин нижнего белья у Ильи хватило такта со мной не заходить. После устроенной мной шипяще-рычащей истерики, скрипя зубами, меня вручили в руки консультанта с таким видом, будто отдает свой холдинг, ни больше не меньше, честное слово.

В общем, целых два часа я все это, тихонько проклиная мужчину, сносила и терпела. Но, когда тысячу платьев и миллион костюмов спустя, мы оказываемся в салоне красоты и стилист Вика, хватаясь за ножницы, с улыбкой маньяка предлагает отфигачить мои длинные каштановые локоны, что почти до поясницы, под модное каре, я подскакиваю с кресла, как ужаленная, отлетая от нее в другой конец зала.

Уже хочу выдать свою “модную” гадость на ее “виденье”, но вовремя встречает Сокольский.

– Не стоит, – бросает мой спутник, складывая руки на груди и присаживаясь на краешек стола. – Мне нравятся ее длинные волосы. Только слегка подровнять, Вик. Без фанатизма, – после его слов словно камень с плеч упал, и я даже выдавливаю из себя благодарственную улыбку.

– Так-то, – выгибаю бровь и усаживаюсь обратно, польщенная словами Ильи.

Нравится, значит? То-то же, мистер непрошибаемость.

Глупо, конечно, радоваться такой мелочи, да и компли-

мент сомнительный, но его “мне нравятся ее длинные волосы” странным теплом отдаются где-то глубоко внутри.

Ладно, может, он и правда не такой гад, каким казался все эти годы?

– Сколько вам нужно времени?

– Часа два, и ваша невеста будет свободна, Илья Сергеевич, – приторным голоском, стреляя слишком ярко подведенными глазами, говорит Виктория. А мне оборот “ваша невеста” ужасно режет слух.

– Загорская, через два часа минута в минуту чтобы явилась в офис. – А нет, все-таки гад. – Водителя пришлю, чек ваш директор знает, куда направить. – Не менее “любезным” тоном бросает мой “женишок” стилисту-парикмахеру и, удовлетворившись ее кивком в сопровождении с заискивающей улыбочкой, ретируется.

Да уж, начинается.

Глава 4. Илья

В офис залетаю без пяти минут одиннадцать и чуть не опаздываю на собственное же совещание. Терпеть не могу, когда все идет не по плану. И этот звонок родителей, и дурацкое знакомство с невесткой оказались совершенно не в строчку и не вовремя. Я искренне надеялся потянуть с этой темой еще годик, а то и два, отговариваясь своей сумасшедшей занятостью. Кто же знал, что отцу приспичит сложить свои обязанности в фирме на меня? А еще, что мой статус в личной жизни для них реально станет такой проблемой?

Из-за срочной поездки у меня на кону завис контракт, сделку по которому мы планировали провести на этих выходных. Теперь же приходится все экстренно переиграть, поэтому офис буквально летает уже с самого утра.

– Илюх, ты скоро? – заглядывает в кабинет Вадим, мой давний друг и компаньон, помахивая папкой. – Все собрались, тебя ждем.

– Две минуты, и я там.

– А где твоя... – кивает в сторону приемной Вадик, а меня его неприкрытый интерес к секретарше в очередной раз раздражает.

– Настя будет чуть позже, и хватит к ней клинья подбивать, Вадяс. Тебе твоих секретуток мало?

Но в ответ мне выдают смешок и закрывают за собой

дверь с той стороны.

Ненавижу. Терпеть не могу служебные романы. Никогда и ничем хорошим они не заканчиваются, только истерикой, увольнением и новыми адскими поисками толкового работника. Вот и нечего. Пусть мою Настю не трогает. Я сам как-то умудрялся два года руки от нее держать прочь и другим не дам. Хотя, что скрывать, когда почти десять часов в сутки перед тобой крутится такая сногшибательная красота, удерживать голодного зверя внутри бывает очень и очень сложно. Но это чисто постельный интерес, который точно не приведет ни к чему хорошему. И я, к счастью, научился его в себе давить. Да еще так, что девчонка меня теперь, похоже, люто ненавидит. Шипит, злится и бесится, но свою работу выполняет на все двести процентов. Даже несмотря на то, что явно на меня обижена за то, что не получила повышение, на которое так надеялась.

Да, вот такой я хренов эгоист. Не дал ей должность, потому что найти толковую девочку на место личной помощницы с крышесносными ножками и при этом далеко не дуру – крайне сложно в наше время. Обычно у них в голове прямой курс с приемной в мою постель, а мне оно к черту не нужно.

Полагаю, именно этот эпизод в наших с ней “отношениях” послужил причиной ее заявления на увольнение.

Не отпущу.

Свожу в Монте и промою мозги, ибо искать новую секретаршу будет смерти подобно.

И кстати, о поездке.

– Завтра в десять мне нужен самолет, – набираю номер личного представителя авиакомпаний, пока вышагиваю по коридору в сторону конференц-зала, разгоняя взглядом гоняющих чай работников.

– Вас понял, Илья Сергеевич. Куда летим?

– К родителям.

– Понял. Все сделаем, – быстро, четко и по делу, без лишних разговоров и вопросов. Почему все не могут быть такими ответственными и исполнительными?

Совещание проходит в штатном режиме. В пол-уха слушаю свою команду, которая фонтанирует все новыми и новыми идеям, а сам поглядываю на часы, ожидая, когда появится на рабочем месте Загорская .

Когда возвращаемся в мой кабинет вместе с Вадимом, замечаем прошмыгнувшую из лифта девушку. Друг натягивает улыбку и расцветает буквально на глазах.

– Утро доброе, Анастасия Вячеславовна, – заходит этот павлин в приемную впереди меня. – Что-то вы сегодня поздно?

Я бросаю взгляд на свою секретаршу, отмечая разительные перемены в ее внешнем виде. Оценивающе пробегаю по лицу, на котором как никогда много косметики и волосам, что после салона стали чуточку темнее.

Нет. Она определенно никогда дурнушкой не был, и со

вкусом у нее все в порядке. Про внешние данные от природы я вообще молчу. Но то, что я вижу сейчас... надо признать, что ее превратили в типичную дамочку из высшего общества.

И вот не знаю, нравится ли мне такая Настя?

– Доброе утро... – косится на меня девушка, растерянно сжимая в руках сумочку. – Я... эм... – смотрю на ее стройную фигурку в этом красном платье-футляре, которое купили сегодня утром, и как-то незаметно залипаю на ее чуть выпирающих ключицах.

– Перебью, – встречается снова Влад, – Анастасия, вы сегодня прекрасны.

– Спасибо, – густо краснеют ее щечки. – А задержалась, потому что Илья Сергеевич...

– Пару часов отгулов были у Насти, не докапывайся до моей сотрудницы, – открываю дверь в свой кабинет и взглядом показываю другу, что пора заканчивать этот цирк, работа не ждет.

– Как насчет сходить сегодня вместе на обед? – не унимается Ромео.

– Почему бы и нет, – кивает Настя, так сладко улыбнувшись Вадиму, что внутри что-то предательски кольнуло.

В нашей ситуации я плохой полицейский, а Вадим – хороший. И если откинуть все удобства моих взаимоотношений с Анастасией, то иногда чертовски задевает ее ко мне отношение. Но только иногда.

А вот какого лешего я именно ее решил на роль невесты взять, до сих пор и сам себя не пойму. Права была девчонка, когда сказала в ресторане, что у меня есть с десятков любовниц, которые только рады были бы полететь в отпуск за мой счет. Вот только они все не то. Как ни крути, у тех финансовый интерес буквально светится в глазах, а стервозностью за километр веет. Эта же... достаточно невинна и упряма. Мила, и чего только стоит ее вот такая улыбка, которая все еще направлена в сторону Вадима. А еще моя Настя прямолинейна и абсолютно не умеет притворяться – идеальный вариант. Предкам такая невеста должна понравиться.

– Боюсь, вам обедать будет некогда, – бросаю, вставая в их разговор. – У тебя отчеты по прошлой сделке висят, – киваю Владу, пряча руки в карманы брюк. – А у тебя еще слишком много дел перед предстоящей командировкой.

– Вы куда-то уезжаете, что ли? – очухался Вадяс, переводя взгляд с меня на Настю и обратно. – Что-то я не в курсе этой командировки.

– Ну, не все же мне перед тобой отчитываться. Может, уже к работе вернемся? – киваю, и Вадим, с загруженным видом бросая “в другой раз, Насть”, скрывается в моем кабинете.

– Это каких таких у меня много дел?! – шипит девушка тихо, чтобы “гость” не услышал.

– Садись и легенду нашей неземной любви придумывай, Анастасия. И постарайся, чтобы я не выглядел полным сопливым мудаком в твоей истории.

– Ха, – складывает руки на груди упрямица, и ее чуть полноватых карамельных губ касается хитрая улыбка. – Я вас поняла, Илья Сергеевич.

– Настя-я-я... – рычу, подцепив пальцами за подбородок. – Без глупостей, – меня обдает ароматом ее сладких духов, а взгляд сам собой опускается на упрямые губки. – Ты же знаешь, что со мной шутки плохи. Да?

– Что вы, какие шутки! – поднимает руки Настя. – Все предельно сладко и красиво, – одаривает меня улыбкой девушка.

Вот только черта с два я поверю в это невинное хлопанье ресниц.

Глава 5. Настя

Сказано – сделано. Обедать было некогда. И не потому, что я усердно сочиняла “сказку” о прекрасном принце и нищенке из дальнего района, а потому, что этот недобосс как будто специально завалил документами по самые уши, и из-за стола рабочего я вышла только в начале седьмого и злая, как черт. Перед уходом Сокольский предельно четко дал понять:

– Пока все отчеты за прошедший квартал в базу не занесешь, домой не уходишь.

Вот так-то.

Так что не стоит особо радоваться оказанной мне чести и завтрашней поездке. Она будет сложная. Очень сложная. Сложнее, чем вообще возможно было бы себе представить.

Походила по огромной приемной туда-сюда, спину размяла, стаканчик воды из кулера выпила и дальше работать. Скидываю надоевшие туфли и, слегка помассировав ноющие ступни, все-таки заставляю себя заняться делом. Работы здесь еще не на час и не на два. А в глазах от букв и цифр уже натурально рябит, но я буду не я, если сдамся без боя.

В итоге, домой захожу в начале десятого. Мало того, что на улице зарядил дождь, как из ведра, и я промокла в своем платье без зонта почти насквозь, пока бежала до машины, так еще и пришлось раскошелиться на такси, так как в

свой район, уставшая и вымотанная, я добиралась бы час, не меньше, на общественном транспорте.

– Опять этот Сокольский, да? – выглядывает с кухни Ксю, активно жуя бутерброд. Ей уже даже объяснять ничего не надо, сама все знает. – Приветик, кстати.

– Привет, Ксю. Ну, а кто же еще, – разужаюсь и, еле переставляя ноги, плетусь в свою комнату, рухнув на кровать.

– Вот... редиска.

– Козел. Так и говори. Своей личной жизни нет, так он еще мою закапывает. Вот переживу эти выходные, и будет мне счастье, – мечтательно улыбаюсь, глядя в белый потолок комнатки.

– Сегодня днем опять какие-то странные типы приходили, соседка сказала, – появляется в дверном проеме подруга, оперевшись плечом о дверной косяк. – Нас не было, так они по соседям стучать давай. Якобы коллекторы.

– Скоро, скоро все закончится.

– Знаешь, а может, ну эту столицу, – падает рядом со мной Ксю, – может, соберем денег и уедем в теплые страны?

– И что мы будем там делать, с нашим-то знанием английского языка?

– На пальцах объяснимся. Влюбимся в горячих парней, которые нас на руках носить буду, откроем небольшую гостиницу или кафешку и заживе-е-е-ем, – мечтательно тянет подруга, а мне вполне приходится к душе такое развитие событий. И уже в голове возникает яркая и ясная, как безоб-

лачное тайское небо, картинка, а на душе становится тепло, как под лучами палящего солнышка.

На самом деле я смертельно устала от грязного мегаполиса и вечного шума. Какими бы не были мои огромные амбиции и желание жить, катаясь как сыр в масле, мне надоели душные офисы, в которых иногда чувствуешь себя никчемным человеком. А еще и когда тебе об этом не забывает напоминать ретивое начальство, так вдвойне ужасно. С новой должностью меня прокатали, и не думаю, что мне в принципе в своей жизни светит что-то большее теперь. Максимум – тот же делопроизводитель, только в другой фирме. Наверное, я опустила руки после сегодняшнего похода по салонам, где Сокольский тратил свои деньжищи направо и налево, понимая, что мне так никогда не жить. Так и зачем тогда тянуть эту лямку в бетонных джунглях?

Если так разобраться, и личная жизнь моя здесь не задалась с самого начала. Мало того, что человек, в которого я, казалось, была влюблена, сердце разбил, так еще с долгами оставил. Строить другие отношения у меня просто нет времени из-за постоянной работы, где вон... тиранище с пронзительными глазами. В общем, жалеть-то себя можно бесконечно, но лучше начать что-то менять, пока не поздно. Верно?

– Так и сделаем, – говорю, поднимаясь и хватая полотенце. – Но для начала, перед тем, как захватывать мир, было бы неплохо поужинать.

– Я так и знала, что ты это скажешь. Уже почти все готово, прошу к столу, – смеется подруга и оставляет меня одну.

Вот Ксю, что бы я без нее делала?

Наскоро приняв душ и поужинав, усаживаюсь на кровати с новым романчиком, предвкушая полное погружение в безоблачный мир светлой и чистой любви, когда мобильный оживает.

Сокольский, собственной персоной. Еще немного, и я поверю, что мы жить друг без друга не можем.

– Да, – выходит дергано и резко.

– Завтра в восемь приеду за тобой, будь готова, – слышу в трубке приказ от начальника, но голос не такой, как обычно – со сталью, звенящей от напряжения. Наоборот, какой-то... уставший. – Алло, Настя? Ты меня слышишь?

– Да-да слышу, Илья Сергеевич. Хорошо. Что мне нужно взять?

– Все вещи из магазинов упакованы и будут доставлены сразу на борт. Поэтому смотри сама, – вздыхает в трубке мужчина, – ты что-нибудь придумала по нашему знакомству?

– Когда? Вы завалили меня работой, – бурчу недовольно, плотнее укутываясь в одеяло.

– Ясно. Ладно, что-нибудь сообразим, пока летим. Чек отдам завтра. Ты уверена, что именно такая сумма тебе нужна?

– А что, уже передумали? – фыркаю, несколько не удивившись его реакции. Сейчас еще торговаться начнет, инте-

ресно?

– Нет. Просто я ожидал... большего. Так что подумай. Надо же, какой аукцион невиданной щедрости.

Сварливая и ворчливая Настя, живущая внутри меня, так и рвется наружу, но отчего-то мне кажется, что сегодня не самое подходящее время язвить и кидаться сарказмом. Не нравится мне тон Сокольского. Даже жалко его стало, только непонятно, почему.

– Нет, спасибо, меня все устраивает. Да и мы едем не на месяц, а на пару дней, так что...

– Хорошо, понял. И да, Настя, глупо, по-моему, своего любимого жениха звать на “вы” и по имени-отчеству.

Глупо. Согласна. Но и он мне не жених, все-таки, а нелюбимый начальник.

– Давай-ка будем привыкать к “Илья”.

– Поняла вас... эм... тебя.

Даже язык не поворачивается спустя два года начинать ему ТЫкать, но иначе и правда, наша игра рискует пойти ко-ту под хвост.

– До завтра, Илья, – даже обращение по имени застрекает где-то в горле.

– До встречи, Настя, – говорит собеседник и отключается первый.

Мысли уже совершенно далеко от нового романа, поэтому вырубаю ночник и до подбородка заползаю под одеяло.

Завтра начнётся наша игра. Мне придётся быть той ещё

лицедейкой и как можно убедительней врать, глядя прямо в глаза незнакомым людям.

Ужасно. Но как ни крути – он мой шанс вылезти из этой ямы, и я его не упущу. Как бы сильно я не ненавидела Сокольского.

А ненавидела ли? – язвит подсознание, и мне даже пришлось прищипнуть на саму себя. Естественно! А как иначе! Если один его взгляд поднимает внутри такую волну раздражения, что я начинаю трястись вся. Это ненависть. И ничего, кроме нее!

С такими боевыми мыслями я и упала в объятия Морфея, совершенно позабыв завести будильник.

Звонок. Противный и протяжный. Ну, нет, ещё пять минут.

Накидываю на голову подушку и игнорирую звонящего.
Сообщение. Второе. Третье.

Пик-пилик, да пик-пилик.

Черт!

Нащупываю руками мобильный и вообще вырубаю его к чёртовой бабушке.

Ненавижу жаворонков. Терпеть не могу бойких людишек, что утром просыпаются с улыбкой и утверждают, что только ранний подъем сулит продуктивный день. Ничего подобного.

Только моё сознание начинает медленно уплывать в небы-

тие, как снова звонок. Только теперь уже дверной.

– Да что происходит-то! – выползаю из-под подушки и, засунув ноги в тапки, шуршу по коридору в сторону двери. А пока иду, мозг приходит в себя, и шаги становятся медленней, потому что я, кажется, догадываюсь, кто этот противный жаворонок.

– Загорская! – стучит в дверь Сокольский и грозно повторяет мою фамилию с протяжным "р".

Ай-ай.

Бросаю взгляд на часы. Начало девятого. Блин-блинский!

Трясущимися руками открываю дверь и натываюсь на пылающие яростным гневом чёрные глаза начальника.

– Я же сказал – в восемь. В ВОСЕМЬ, Загорская!

Да что его на моей фамилии-то так переключило. Я прекрасно и с первого раза поняла.

– Я... эм... телефон... он... в общем, я проспала.

– Пулей собираться, и через пятнадцать минут чтобы сидела у меня в машине! – бросает безапелляционно и, заложив руки в карманы песочных брюк, припускает вниз по лестнице, сверкая своим внушительным размахом плеч, обтянутых белой рубашкой.

– Настя! – резко оборачиваясь, рывкает Сокольский, улавливая мое замешательство, я аж подскочила от неожиданности.

– Бегу я, бегу! – хлопаю дверью, унимая бешено колотящееся сердце, и, ловя баланс, на трясущихся ногах спешу в

спальню.

И что это я так залипла на его спине? А ягодички? Боже, какие... СТОП. Стоп, стоп и ещё раз стоп! Какие ягодички, Настя?

Ерошу руками волосы и машу головой, вытрясая оттуда всякие лишние мысли.

Собираться, надо собираться.

Со скоростью света летаю по спальне, скидываю в сумку самый минимум вещей. И то, скорее так, чтобы рядом было что-то привычное и дешёвенькое. Так как дорогих и брендовых шмоток Сокольский вчера купил столько, будто он меня на месяц увозит, не меньше. А это уже своё, родное. Например, любимая хлопковая розово-голубая пижамка с ба-рашками и маска для сна, без которой не могу. Так же скидываю свою щётку, станок, очки и зачем-то кидаю любовный романчик. Может, удастся выкроить для себя минутку и зависнуть на пляже под зонтом. Хотя верится в это с большим трудом.

Быстро приняла душ, волосы даже не стала сушить и, натянув джинсы с футболкой, вылетаю из подъезда ровно в половину девятого. Резво заскакиваю в салон джипа начальника, который, облокотившись на опущенное стекло, смотрит на меня убийственно спокойным взглядом. А потом говорит таким же убийственно спокойным голосом:

– Полчаса, Настя. Полчаса моей жизни ушли впустую, знаешь ли, – машет ладонью, возмущённо вздохнув.

– Ваши полчаса по сравнению с моими будущими потраченными на вас четырьмя днями – ещё по-божески, – улыбаюсь самой милейшей улыбкой из своего арсенала, которая его, кажется, совершенно не торкает.

– В следующий раз я буду тысячу раз думать, прежде чем приглашать тебя куда-то, – бубнит себе под нос Илья, заводя машину.

– Что?

– Ничего.

– Доброе утро, кстати, – спустя целую вечность молчания, вспоминаю о приличиях, получая в ответ выстрел взглядом в голову. Да уж, Загорская...

Не невеста. Мечта!

Глава 6. Илья

В аэропорту нас уже ждут.

Уже час как ждут.

Из-за опоздания моей любимой невестушки пришлось отложить рейс, и знала бы Настя, каких это стоило нервов – выбить себе коридор для взлёта в аэропорту, где все расписано буквально по минутам.

Приходится мчать на запредельных скоростях почти через весь город, потому что глушь, где она живет, словами не описать. Еще вчера утром, когда полез в ее личное дело, был немного удивлен, узнав, что моя секретарша, которая за все время ни разу не позволила себе опоздать, живет почти что в полутора часах езды от бизнес-центра. Это даже заставило задуматься, а не козел ли я, что прокатил ее с повышением?

На машине доезжаем до парковки, а там нас ждёт служебный автомобиль, который довезёт уже прямо до трапа частного лайнера.

Настя немного испуганно косится на меня, но всю дорогу молчит, и это радует. Потому что начини она вести со мной беседы, я бы, наверное, взорвался от злости.

Не представляю, что за уикенд меня ждет. С одной стороны, родители, которым последние полгода мне удачно удавалось вешать лапшу на уши со своим статусом в личной жизни, а с другой, эта соблазнительная упряmica, от близости

которой внутри все предательски переворачивается, и голод становится практически невозможно сдерживать.

Это будут адские дни, мощнейшая проверка моей выдержки на прочность.

– Мы летим на этом небольшом самолётике? Это ваш? – подает голос девушка, которая почти уткнулась носом в окно и смотрит большими от удивления глазами, когда автомобиль уже приближается к нашему самолёту.

– Именно, – бросаю однозначный ответ на оба вопроса, отворачиваясь к окну, не имея желания лишний раз расплываться, но, кажется, ее любопытство не унять.

– А как же билеты в бизнес-класс, что я вам покупала?

– Бывают исключения. Еще вопросы? – вздыхаю и все-таки перевожу взгляд на девушку, которая в ответ забавно морщит носик и качает головой.

Нет, я не совсем гад. И с женщинами умею быть милым, нежным, романтичным, но исключительно, когда оно мне надо. А тут...

Я не знаю, как мне себя с ней вести. Я впервые в жизни, черт побери, в ступоре! Нужно менять курс в наших отношениях и спустя два года идти на сближение, но пока что все внутри бунтует, заведенное лишь одной только пугающей мыслью: меня же потом будет не остановить. Дай я себе слабинку, черт возьми, даже представить не могу, чем эта поездка тогда закончится для нас обоих. А главное, если я планирую удержать ее в офисе на должности помощницы, то ка-

кой-либо физический контакт нам вообще противопоказан.

– Это будут сложные два дня... – слышу женский шепоток по левую руку от меня и не могу сдержать ухмылки.

Кажется, не только я осознаю весь масштаб своей дурости.

Как только оказываемся со всеми вещами в салоне самолета и улыбчивые бортпроводницы просят сесть и пристегнуться, приготовившись ко взлету, Настя покорно подчиняется, а вот меня сбивает с мысли мобильный.

– Да, – отвечаю дергано, даже не взглянув на экран.

– Ты совсем забыл про документы, Сокольский? – слышу на том конце провода голос Вадима и бросаю взгляд на часы.

Проклятье, уже десять, рабочий день в самом разгаре.

Естественно, забыл. Начиная с восьми утра мои мысли витают исключительно вокруг одной девушки, которая сейчас сидит напротив меня и недоверчиво косится, воинственно сложив руки на груди. Мне кажется, сколько мы с Загорской работаем, она вообще сама воинственность. Ну, в мою сторону так точно. Словно кошка перед прыжком.

– Скидывай, пока буду в полете, посмотрю, – набираюсь силы воли и отвожу взгляд от ее цепких чарующих глаз, ощущая, как в теле уже явный дискомфорт; твою мать, она меня доведет. – Что у нас по поводу сделки? – открываю ноут, одним глазом пробегая по личному делу на Загорскую, которое, к моему стыду, я даже читать не стал. Все, что мне нужно, она расскажет сама, а что не нужно, мне и не нужно. Вот такой каламбур. – Удалось перенести встречу?

– Да, но только до середины следующей недели, там как хочешь, но быть должен в городе.

– Понял, да я и не думаю, что мы задержимся там дольше выходных, – говорю, а самого берет сомнение, и моя спутница это явно замечает, потому что подается чуть вперед со словами:

– Что значит “я не думаю”? – шепчет недовольно Настя, тут же подбираясь. – Вы обещали...

– Это кто там? Настя? – тут же приободрился дружище на том конце провода, похоже, выпрыгивая из штанов, а его донельзя довольная физиономия буквально нарисовалась у меня перед глазами. – Передай ей, что с меня кофе! – трещит друг, а я вот больше чем уверен: сиди на моем месте Владос, а не я, эта неприступная барышня уже вовсю расточала бы улыбки, а не губы поджимала. – И передай ей привет.

– Слишком много просишь, Владос, – отрезаю все лишние вопросы, которые начинают знатно нервировать. – Вот вернемся, и сам все, что надо, передашь. Давай, до связи, – сбрасываю вызов и по просьбе подошедшей стюардессы отключаю всю технику, которая по правилам должна бездействовать во время всего полета. Но мы-то рейс чартерный, имеем некоторые “поблажки”.

– Мне не понравилось ваше сомнение в голосе, – выдает звенящим голосом молчавшая до этого Настя, когда заводят двигатели и самолет начинает движение по взлетной полосе.

– Выдохни, Настя.

Подмигиваю и достаю из папки с документами заранее приготовленный банковский чек, в котором значится сумма примерно втрое больше, чем девушка озвучила сама. Двигаю бумажку к ней и откидываюсь на спинку кожаного сиденья, приготовившись ждать удивленные охи и ахи. Но мне только коротко и недовольно бросают, как кость собаке:

– Здесь много.

– Это проблема? – выгибаю бровь, так как уж отказывающихся от денег женщин в своей жизни я не встречал точно.

– Мне не нужны лишние деньги...

– Моральная компенсация, – перебиваю, постукивая пальцами по стол. Нервишки ни к черту. – Плюс я и правда не могу гарантировать, что дело закончится выходными, но поверь, сделаю для этого все возможное. Думаю, ты понимаешь, что меня тоже мало привлекает роль играть в мифическую любовь с чужой женщиной. Без обид, – добавляю, когда ее щеки начинают краснеть.

– Мы оговаривали с вами другие сроки, Илья Сергеевич! – упрямится девушка, даже, кажется, не заметив, как дернуло при взлете нашу воздушную посудину, буквально вжимая нас в сидения.

– Я приукрасил.

– Это очень некрасиво с вашей стороны. Вы человек дела, и врать – последнее, что может быть в бизнесе.

– А я и не врал, Настя. Я приукрасил. Это, во-первых. И

во-вторых, с твоей, – перебиваю, так как такими темпами мы далеко в своей игре не уедем. – С твоей стороны.

– Хорошо, с твоей стороны, – вздыхает Загорская обиженно, надувая губы, как ребенок. – И мне не нужны эти деньги, только оговоренная сумма... – и немного погода добавляет:

– Илья, – словно пробует, как это звучит мое имя из ее уст. Говорит, а у меня в груди что-то простреливает, словно микровзрыв, потому что звучит оно очень даже соблазнительно.

– Не переживай, – говорю, слегка остужая ее пыл, а то, кажется, сейчас от негодования Настя просто взорвется, а мне все-таки хотелось бы долететь. – Этот уикенд пролетит, заметить не успеешь.

– Что от меня потребуется? Верней, зачем тебе невеста?

Пока мы меряемся в упрямстве, самолет набирает нужную высоту, и одна из стюардесс после соблюдения всех стандартных процедур откупоривает для Насти шампанское и приносит ведро со льдом и бокалом, наливая игристое. Для себя же я попросил кофе. Глаза слипаются после бессонной ночи, а пить алкоголь – непозволительная роскошь. Мне еще потом за руль садиться. Да и при приезде к родителям хоть один из нас должен быть трезв.

– Еще что-то нужно, Илья Сергеевич? – спрашивает бортпроводница, одаривая приторной улыбкой, от “сладости” которой зубы сводит. Но я был бы не я, если бы не пробежал взглядом по стройной фигурке в темно-синей юбке, немного дольше зависая на ногах, попутно отмечая, что у Загорской

они симпатичней в десятки раз.

– Нет. Вы можете идти... – взгляд на бейдж, – Людмила.

Дожидаюсь, пока девушка в форме авиакомпании кивнет и удалится. Только после этого возвращаюсь к озвученному Настей вопросу.

– У отца бизнес...

– Почему я не сомневалась, – перебивает меня девушка и тут же поднимает руки, стоит только по привычке зыркнуть в ее сторону. – Молчу.

– До недавнего времени он всем заправлял сам, но последнее время моему старику резко захотелось на покой. Теперь кто-то должен перенять бразды правления в его корпорации.

– Вы... то есть ты один в семье? – делает робкий глоток из бокала Настя, пробуя шампанское на вкус, а мне отчего-то безумно нравится за ней наблюдать. То, как дрожит на шее венка и двигаются соблазнительные губки. Как бегают глазки. Что-то есть в этом такое... живое и настоящее.

– Кхм... – прочищаю горло, мысленно отвешивая себе пинок. – Есть сестра. Младшая.

– Почему не она...?

– Потому что она далека от бизнеса в принципе, а ее мужу отец не доверяет.

– И как вы...

– Ты, Настя. Привыкай.

– Как ты будешь вести заграничную корпорацию? Кто будет сидеть во главе холдинга у нас в стране?

– А тебе не все ли равно? – не могу сдержать едкой ухмылки, – ты ведь все равно после поездки уволишься, – пожимаю плечами и делаю резкий глоток горячего кофе, смачивая резко пересохшее горло и охрененно обжигаясь. – Честно говоря, я был удивлен, узнав, что ты подала заявление на увольнение в обход меня.

Девушка всего с секунду молча смотрит не мигая, а потом отворачивается, не выдержав такого прямого укора, который, я уверен, сверкал в моих глазах.

– Когда твой личный помощник в тихушку подает заявление на увольнение, это все равно, что удар в спину, знаешь ли.

– Мы свернули с темы, – говорит немного резко Загорская. – Так при чем тут бизнес отца и невеста?

– Консервативный человек и ценит старые устоит. Семья во главе всего. Для них с матерью важно, чтобы у меня была любимая женщина. Не знаю, с чем это связано, но они уверены, что если ты умеешь ответственно подойти к личной жизни, то и в бизнесе будет все ладиться. В общем, простые заморочки семьи Сокольских.

– Воу, – выдают мне в ответ что-то странное. – Неожиданно. Мне казалось, это уже пережитки прошлого.

– Как видишь, нет.

– Ну, и как мы тогда будем? Не могла же у вас резко, с бухты-барахты, появиться невеста, верно?

Молча киваю, а девушка продолжает, активно жестикули-

руя руками.

– И каким таким образом вы объясните мое появление именно сейчас, в такой нужный и удобный момент?

– Они уже полгода думают, что я с тобой живу.

– Не со мной. С невестой, – дергано перебивают меня. Такой выпад заставляет улыбнуться. Похоже, ей противна даже сама мысль быть со мной. Но я пропускаю мимо ее уточнение.

– И сейчас просто пришло время вас познакомить, – продолжаю как ни в чем не бывало. – Если все пройдет гладко, то тебя ожидает только знакомство с моими предками и, возможно, с семьей сестры. Тихий семейный ужин, и после этого ты свободна.

– Но это если пройдет гладко, – щурятся подозрительно ее невероятные глаза. Настя подается чуть вперед и упирает руки в столик, – а если нет?

– А вот если нет, – но договорить мне не дает пикинувшее сообщение на мобильном от Вадима. Он напоминает, что я буду оленем, если вовремя не отошлю ему обратно копии документов. – А вот если нет, то тогда и будем разговаривать. А сейчас прости, но у меня есть работа. Это ты в оплачиваемом отпуске.

Девушка передергивает плечами и обиженно отворачивается от меня, потягивая игристое и уничтожая принесенную нам клубнику в шоколаде. Она нервничает, и это видно невооруженным глазом. Надо же. Даже к такой “работе” она ре-

шила подойти ответственно и никак иначе.

В какой-то момент я полностью с головой ухожу в документы, когда, устав сидеть напротив меня, Настя подхватывает бутылку с шампанским из ведерка и с бокалом и клубникой уходит в другой конец салона, забираясь с ногами на диванчик и притягивая к себе махровый плед.

Я провожаю ее взглядом, и когда она это замечает, салютует мне бутылкой:

– Будешь?

– Нет. Спасибо, – упираю руку в подлокотник и еще на долгие минуты зависаю на ней. Почему меня так ведет? Почему я не могу оторвать глаз? Ведь простая. Совершенно наивная и... настоящая.

Нет, я буду упираться всеми силами, чтобы эта поездка ограничилась этими выходными. А то я свихнусь держать себя в узде рядом с ней дольше, чем пару дней, а мои родители горазды на выдумки и ужасно любят блюсти традиции. Одна из которых меня пугает особо сильно, и я надеюсь, что они не будут сгонять всю родню на ужин. Мне кажется, во мне в принципе отсутствует функция “упасть на одно колено”, и я себе на горло вряд ли смогу наступить.

– А да, кстати, – нарушает установившуюся тишину Настя, немного погодя, заставляя оторвать взгляд от экрана. – Что с легендой?

– Все в твоих руках. Потом расскажешь, – выпаливаю, вот я точно потом буду чертовски жалеть.

Глава 7. Настя

Самолет.

Частный.

Кожаный салон и полмиллиона в бутылке. Вазочки с цветочками и две бортпроводницы, одетые с иголки в форму авиакомпании, с наиглупейшими улыбками на лице.

Нет, я не ханжа, но когда раз за разом, где бы мы ни были, представительницы женского пола начинают строить глазки Илье, у меня начинают дергаться оба глаза от нервного перенапряжения. В итоге, чтобы не слышать их шепотков и совершенно по-старушечьи не рявкнуть, чтобы не смели обсуждать моего начальника за спиной, отползаю с алкоголем подальше и от мужчины, который с предельно собранным выражением на лице пытается работать, и от этих дамочек.

Устроившись на диванчике, уже почти час, что мы летим, я все не перестаю удивляться, куда и в какой мир я попала?словно в какую-то глупую современную мелодраму, где наивная простушка из глубинки оказывается чуть ли не принцессой на балу. Нет, такое точно происходит не со мной. И к такому точно нельзя привыкать. Но, черт возьми, как же это круто, когда у тебя есть собственный самолет!

Переваривая в своей голове полученную от “жениха” информацию, пытаюсь сложить все пазлы в своей голове и получить четкую картинку.

Родители ратуют за семейные ценности. Значит, ревностно и ответственно отнесутся к принятию чужой женщины в семью, даже если это, по легенде, любимая их сына. Хотя по какой легенде? Это для нас легенда, а для них мы вместе уже полгода и без ума от любви друг к другу. Полгода, ха! Неужели кто-то способен такого чурбана бесчувственного, как Сокольский, выдержать полгода? Эх, если бы можно было любовь построить на ненависти, вот это точно бы у меня получилось. У нас. Да и вообще – не умеет камень любить.

Так, едем дальше. Падаю головой на мягкую подушку, которую услужливые девочки мне заботливо принесли, и продолжаю свой мыслительный процесс, приходя к нерадостной мысли. Если еще учесть, что я чисто гипотетически нарожаю им внуков, отбор будет жесткий вдвойне. Гены, наследственность и прочую ересь никто не отменял. И в свете таких событий все же лучше им не знать, что у меня самой семьи-то и нет. Только Ксю, и та не родня по крови. Биологических родителей я не знаю, а с приемными мне как-то не везло...

А потом я честно пытаюсь придумать стоящую легенду. Перебираю у себя в голове все видимые и невидимые первые встречи из кино и книг. Но получается такой абсурдный абсурд, что аж выть хочется. Да и, видимо, дорогие пузырьрики слишком сильно ударяют в мозг, который утром подняли, но не разбудили, что в итоге, после всего парочки бокалов я, уютно свернувшись калачиком, под тихий, монотонный стук пальцев Сокольского по клавиатуре, засыпаю.

И во сне наш коварный план проваливается с треском...

За час до прилета Илья самолично будит меня. Открываю глаза и утыкаюсь в его задумчивый взгляд. И вроде съязвить охота или, может, гадость выдать, но слишком уж в этот момент растерянное у него выражение на лице. Да и только я собираюсь открыть рот, поглубже вдохнув, как меня в «любимом» приказном тоне отправляют готовиться к приземлению.

Приказ понят практически с одного взмаха брови.

Так, джинсы и футболка сменяются элегантным белым платьем с открытыми плечами и сногшибательным декольте, куда, на мое счастье, есть что положить. На лице появляется макияж, урок по нанесению которого мне вчера преподала Вика, и который, на мой взгляд, только добавляет мне лишних годиков, но, видимо, боссу такие дамы и нравятся. Сногшибательные, но при этом искусственные и фальшивые вдоль и поперек. Волосы укладываю легкими локонами.

Смотрю в небольшое зеркало уборной и сама себя не узнаю, правда. Нет, это девушка с обложки точно не я. Внешне, по крайней мере. Был бы еще какой-нибудь чудодейственный способ, чтобы на эти четыре дня преобразиться внутренне, я бы воспользовалась. А то чем ближе к цели, тем сильнее дрожат коленки от волнения.

– Через десять минут будет заход на посад... – выходит из противоположных дверей Илья и запинаясь на полусло-

ве. Первым делом его взгляд утыкается в мои губы, накрашенные алой матовой помадой, и я вижу, как стремительно пожирает темную радужку черный зрачок. Как затягивается яростным туманом тяжелый взгляд, а потом медленно, словно в замедленной съемке опускается в район декольте, вниз по платью и замирает на моих ступнях, обутом в аккуратные светлые босоножки на каблук, на неброском светлом педикюре на пальчиках.

– Воуч, – говорит мужчина предельно простое и, как мне показалось, удивленное. – Кхм... ты... потрясающе выглядишь, – переводит наконец-таки взгляд мне в глаза. А голос-то просел до грудного хрипа. Что это такое? Неужели удалось произвести впечатление?

– Спасибо, – тяну уголок своих “аппетитных” губ в ухмылку и, с наслаждением проследив, как Сокольский пальцем оттянул воротник рубашки, продефилировала в свое кресло и, как послушная девочка, пристегнула ремень безопасности.

Мужское замешательство, вызванное твоим внешним видом, всегда тешит самолюбие.

– Так... кхм-кхм... что там про посадку, – выдаю ангельскую улыбку Сокольскому, который, наверное, еще долгие пару секунд смотрит на меня, словно пригвожденный к месту, а потом проходит и устраивается напротив.

– Приземлимся мы в аэропорту Ниццы, – берет себя в руки босс, – а оттуда на машине до виллы родителей чуть меньше получаса.

– Почему Ниццы? Вы же сказали – Монако.

– Монако – карликовое государство, там просто-напросто негде строить аэропорт, – выдают мне поучительно, а я не могу удержаться и прыскаю со смеху. Это нервы, точно нервы.

– Ясно, – киваю, бросая взгляд в иллюминатор, за которым проплывает синяя гладь моря и редкие белые облачка. Внешне кажется все так тихо, спокойно, безмятежно. А вот внутри, чем ближе к земле, тем ярче бушует огонь.

– Волнуешься? – голос собеседника слышу словно изда-
лека.

– Есть такое, – устраиваю ладошки на коленях, едва заметно отирая вспотевшие ладошки о платье, и, тяжело вздохнув, поднимаю взгляд на потолок. Правила десяти секунд, Настя.

– Все будет хорошо, они не изверги.

– Ты сначала меня напугал, а потом успокаиваешь? – фыркаю, встречаясь с задумчивым взглядом мужчины. – Так себе тактика.

– В любом случае, я буду рядом двадцать четыре на семь.

– Давай на четыре.

– Что?

– Ничего, – отмахиваюсь, чувствуя, как внутри просыпается нервозность. – Забудь.

Но у Сокольского на это свое мнение. Собственно, у него на все свое мнение. Он, конечно, ничего не говорит, но подается вперед и ловит мою ладошку, зажимая сильно и креп-

ко в своей большой и крепкой руке, в которой моя теряется совершенно, а дыхание перехватывает.

Если до этого просыпалась нервозность, то теперь паника от того, как меня накрывает одно его прикосновение.

Никогда. Почти никогда я не соприкасалась с ним так близко, не имела тесного физического контакта и даже подумать не могла, что простое держание за руку может так... волновать. Так будить организм и переворачивать все внутри. И как-то пальчики в его руке начинают нервно ерзать, и ладонь потеть еще сильнее, и вообще, сердце стучит уже где-то в висках. И от смерти спасает голос бортпроводницы в динамике и посадка, которая прошла удачно.

Глава 8. Настя

Франция. Ницца. Лазурный берег.

Или еще круче – Монако, Монте-Карло, Пристанище богачей. Сияющее огнями княжество с дорогими яхтами, тачками, огромными ценниками и казино.

В принципе, все это должно говорить само за себя. Попутно описать мое внутренне состояние как человека, который оказался хоть одним глазком, одной маленькой частичкой души причастен к такой роскошной жизни, что ведут местные жители. Стоило только ступить на трап, как в глазах буквально зарябило от дороговизны и лоска. От красоты и яркости окружающих меня красок. словно я не в другую страну попала, а вообще на другую планету. Здесь краски ярче, воздух легче, и люди... другие.

Не знаю, сколько на мою долю выпадет за эти четыре дня удивлений, но когда прямо к нашему самолету подъезжает сверкающий на солнце черный Астон Мартин, я запинаюсь, путаясь в ногах, и только благодаря вовремя подловившему меня Сокольскому не лечу носом вниз с пяти ступенек.

– Осторожно, – слышу над ушком и обострившимися рецепторами чувствую, как сжалась его рука на моей талии, а его горячее дыхание шекошет шею и нервишки.

– Да... я, – машу головой и бросаю все попытки выдавить из себя что-то членораздельное. Выпутываюсь из объятий и,

спускаясь “на землю”, как зачарованная, переставляю каблукками прямо к до неприличия шикарному авто, из которого выходит молодой парень в совершенно обычных джинсах и черной футболке и протягивает мне ключи.

– Мадемуазель... – слегка кивает головой парнишка, улыбаясь, и ждет... вот только чего?

– Анастасия, – слышу позади голос Ильи.

– Что? – оборачиваюсь, и мне кажется, глупее я еще точно не выглядела. Собственно, на это, похоже, и намекает легкая улыбка на его губах.

– Он ждал твоего имени. Мадемуазель Анастасия, – натягивает на глаза солнцезащитные очки мой босс. – Привыкай, тут к тебе будут исключительно таким образом обращаться.

– А... ясно, – значит, для них мы тут мадемуазель? Что же, это даже приятно. – Да, спасибо, – улыбаюсь и говорю парнишке, хоть и не совсем уверена, что он меня понял. Но он кивает и, передав мне ключи, отходит, а я как стояла в растерянности, так и стою, не зная, что с ними делать и как вести себя дальше. Пока снова не вмешивается Илья. Кажется, мне без него не прожить в этом месте и часу.

– Едем?

– Да, наверное. Держи, – протягиваю ему брелок, а руки-то трясутся так, что мужчина с долгое мгновение смотрит на меня, затем поднимает очки, в темных линзах которых я уловила свое ужасно испуганное отражение, и ловит мои пальцы с ключами.

– Так, Настя, – вот этот его тон, чувствую, сейчас будет нравоучительная лекция. – Я, наверное, сейчас тебе открою Америку, но здесь тоже есть воздух и им тоже можно дышать.

– Что ты...

– А еще улыбаться и двигаться. Если ты будешь контактировать с людьми, никто тебя не съест, а если ты еще будешь с ними разговаривать, так вообще будет прелесть, – забирает у меня брелок и разводит руками наглец.

– Я не знаю английский, или французский, или вообще какой-нибудь язык, кроме русского, – отвечаю сквозь зубы, и слова эти почему-то выходят очень и очень нехотя. Словно в своей тупости ему признаюсь.

– Ясно, – кивает, поджимая губы и сверля своим строгим взглядом, – но я не прошу тебя трещать без умолку. Я знаю, что ты умеешь очаровывать людей одной улыбкой и взмахом ресниц. Видел на совещаниях, – говорит и открывает дверь на пассажирское сиденье, – так что, – подает мне руку в приглашающем жесте.

А мне, не знаю почему, в этот момент стало до боли обидно за себя, словно и правда ощутила свою никчемность. Такие, как он, всегда знают, что делать, как ходить, говорить, кому улыбаться. Никогда не впадают в ступор и не трясутся перед чем-то новым или кем-то незнакомым. Не смущаются, не боятся и еще много “не”. Такие универсальные солдаты – сильные мира сего. И к Сокольскому это имеет наипря-

мейшее отношение. Никогда за все два года я не видела его по-настоящему смущенным или растерянным. А я, и правда, девушка не того уровня. Для меня вся эта фешенебельная жизнь, как для обезьяны телефон: в руках кручу, а что делать с ней, не знаю. И я просто ни грамма не сомневаюсь, что стоит его родителям только меня увидеть, как весь наш план рухнет. Потом что рядом с их сыном должна быть женщина, как минимум, приближенная к этому светскому обществу.

Надо было выпить в самолете еще парочку бутылок шампанского, чтоб на утро даже не вспомнить, как прошло наше “знакомство”.

– Не ты вы девушку на роль невесты выбрали, – не получается сдержать тяжелый вздох, – очень надеюсь, что я вас не подведу, – вкладываю свои пальчики в его большую ладонь, которую он сжимает, от чего по позвоночнику бегут предатели-мурашки.

– Я в тебе уверен, – и правда, в голосе ни грамма сомнений, так же, как и во взгляде.

– Зато я нет, – говорю и прячусь в прохладном салоне авто.

Дорога до виллы Сокольских занимает жалкие по продолжительности двадцать минут и потрясающие по красоте тысячу и одну достопримечательность. Сказано это, конечно, громко, но для меня, наверное, это рай. Идеально ровная трасса, что тянется вдоль побережья, и звериный рев мотора.

Уверенные движения красивых мужских рук на руле, крышесносная скорость и проносящиеся за окном живописные скалы, утесы, горы. Здесь много гор, и, как я успела прочесть на досуге, само княжество Монако построено практически на горе. А еще море, что плещется о камни, словно нападая на эту райскую лагуну для богачей. Оно невероятного лазурного цвета. Абсолютно оправдывающее свое название.

– До места чуть меньше пяти минут, – поглядывая на часы, сообщают мне. – Успокоилась немного?

– Да, а можно мы весь уикенд вдвоем проведем, а? – выпалила и только потом поняла, как и с каким намеком это прозвучало. – То есть я имела в виду, что с тобой как-то привычней уже бурчать, – бросаю взгляд на водителя, на чьих губах гуляет довольная улыбка. – Это не то, что вы... ты подумал. – Опять это пресловутое “вы”! – И с тобой не надо строить из себя мадемуазель.

– Я польщен, правда. Но нет.

– Жаль, – снова отвожу взгляд в окно, за которым, словно одна большая сине-зеленая размытая картинка, “пролетает” местный колорит. И куда он так топит? Судя по приборной панели, этот черный зверь уже летит под двести.

– Мы разве опаздываем? – не выдерживаю, когда мы круто входим в поворот, и меня от страха вжимает в кожаное сиденье, а пальцы вцепляются в накинутый ремень безопасности.

– Нет.

– Тогда почему ты так летишь?

– Разве? Всего сто семьдесят, – говорят мне спокойно, поглядывая на спидометр. – Для этой машины, считай, мы ползем.

– Всего? Ползем?

– Ты когда-нибудь сидела за рулем такой тачки, Настя? – опять этот взгляд, как на маленького ребенка.

– Такой нет, конечно. Где? В нашем захудалом районе увидеть такую машину – все равно, что встретить НЛО. Но вообще-то у меня даже есть права.

– Н-да? Напомни мне как-нибудь за эти дни посадить тебя за руль этого монстра, уверен, тебе понравится.

– Сильно сомневаюсь.

– Не сомневайся. С такими дорогами, как здесь, и количеством лошадей под капотом этой красавицы, ехать сто – это кощунство! – одаривают меня хитрой улыбкой, а мне же вот совершенно не хочется испытывать этот адреналин на себе. Зная свое везение и умение управляться с дорогими вещами, уверена, что мы доедем лишь до ближайшего столба. Ну, или скалы, что тут более вероятно.

– Вы любитель крутых тачек, я поняла.

– Если выберем пару часов, я свожу тебя по Монако. Вот где рассадник таких авто.

– Так, я запуталась, а мы куда тогда едем?

– Считай, что в пригород, если так можно выразиться. Родители живут, не доезжая до самого княжества. Но террито-

риально считается, что это Монако. И да, давай пробежимся по основным моментам. Думаю, раз мы уже полгода вместе, ты, по крайней мере, должна знать имена моих предков.

– Сергей Денисович и Эмма Константиновна Сокольские, – выпаливаю тут же. – Отцу шестьдесят два, а матери пятьдесят девять, если я не ошибаюсь. – Загибаю пальчики, вспоминая, что еще успела узнать. – Ах да, в браке уже почти сорок лет, двое детей – это ты мне сказал. А еще у твоих родителей есть собака.

– Откуда? – хмурит брови мой жених, явно не ожидая такого.

– Википедия. Пока собиралась, заглянула одним глазком, а то ты не сильно болтлив, знаешь ли, – одариваю его милой улыбкой, – только вот чем занимается фирма твоего отца, я так и не поняла.

– Тоже недвижимость, только в основном жилая и элитная. И две собаки.

– Да? Оба далматинцы? Неожиданно, кстати.

– Да, оба. Сестру, кстати, зовут Инна. Ей тридцать, муж Леша, а моя племянка – Каролина, и ей шесть. Вполне возможно, что она в этот момент гостит у моих родителей, тут точно не могу сказать. Но вот с ней-то, я думаю, вы подружитесь точно, она такая же вредная и пакостливая, – усмеется Илья, получая от меня удар ладошкой в плечо.

– Я вредная исключительно потому, что у меня весьма несносное начальство.

– И да, Настя, по легенде, ты модель, – словно не слыша меня, продолжает Сокольский, уверенно сжимая пальцами руль.

– Модель? – морщу нос, – на большее твоей скупой мужской фантазии не хватило? Вы правда все так зациклены на плоских девушках с ногами от ушей?

– Нет. Я не люблю связываться с девушками из модельного бизнеса, если тебе это так важно знать. Но, как говорят, любовь зла – полюбишь и...

– Модель. Да уж.

Пока вели беседу, Илья сворачивает с главной трассы, и я не успеваю даже моргнуть, как дорога и ожидание заканчиваются, а мой взгляд упирается в высокие кованые ворота, за которыми я вижу...

– Это замок, – говорю уверенно, потому что иначе у меня проблемы с головой.

– Это вилла.

– Нет, как минимум дворец.

– А ты бывала во многих виллах?

– Нет, но не бывают такими огромными виллы! – заладила я свое. А когда автоматические ворота открываются и я замечаю на подъезде к дому высокий круглый фонтан, с причудливых барашков которого ручейками стекает вода, мое сердце ухнуло в пятки, кажется, окончательно. Масштабно. Очень.

А-а-а нет, вот сейчас только окончательно сердце улете-

ло и пообещало вернуться тогда, когда я закончу участие во всем этом фарсе. А все потому, что дверь в дом открылась, и на крыльце появились мужчина и женщина, надо полагать, хозяева дома – родители Ильи, которые вышли встречать сына.

– Вот сейчас все мое спокойствие исчезло, как страшный сон. Я не справлюсь, мы еще можем уехать, – нервно сжимаю ладонь в кулак и затравленно смотрю на припарковавшегося рядом с другой машиной Сокольского. – Я верну тебе чек, и ты найдешь другую, более подготовленную к таким вот условиям девочку. Пожалуйста, – неосознанно хватаю его за руку и переплетаю пальцы, что отдается странным покалыванием по коже, словно маленькие искорки пробежали по пальчикам. И, судя по выражению лица Ильи, не только у меня “искорки побежали”.

И вот-вот я уже думала, он смирится и растает, но...

– Закончила? – отстегивая ремень безопасности, бросают мне совершенно спокойно. Значит, показалось. Да и правда, с чего бы его какое-то там прикосновение будет волновать? Выдергиваю руку и бросаю взгляд через плечо, где в непонимании замерла чета Сокольских.

– Что?

– Истерику. Все будет хорошо. Выходи.

– Не пойду.

– Настя.

– Н-е-ет, – шиплю и машу головой, вжимаясь в дверь от

его злого взгляда.

– Ты серьезно решила трусливо спасовать в последний момент?

– Да.

Он замолчал. Смотрит и не говорит ни слова, только держит руку на двери и словно что-то прикидывает в уме.

– Загорская, – говорит Илья в конце концов. Но не привычно полурыча, а как-то устало, прям как в тот вечер, что звонил мне. – Мне нужна твоя помощь. Страшного здесь ничего нет, мы же не убивать их приехали, в самом деле.

– Моя совесть потом не даст мне спать спокойно, если я не умру раньше времени от остановки сердца. Ты понимаешь, что мы их обманем! – округляю глаза, только сейчас понимая абсолютно весь масштаб “игры”. – Чтобы отжать бизнес у твоего отца.

– Не отжать, а просто встать во главе. И мы переложим всю ответственность с твоей совести на мою, идет? Seriously, Настя, мне что, в ноги тебе упасть?

Да не уверена я, что сейчас это мне поможет, но признаю, с извращенным удовольствием посмотрела бы на него у меня в ногах.

Но ответа моего Сокольский не дожидается, и я не успеваю опомниться, как он выскакивает из машины, а я ловлю руками только воздух, едва не зацепив край его рубашки-поло. Вот так, бамс и сбежал. А потом еще пара секунд, и уже открывается моя дверь.

– Все будет хорошо, – повторяет Илья и, занырявая в салон, отстегивает мой ремень безопасности. В этот момент его лицо оказывается запредельно близко к моему, и тело лишний раз напоминает, как не просто будет изображать с ним “любовь”. Потому что стоит только уловить его дыхание на своих губах, разум плавится.

– Я... – начинаю, но сама не знаю, что хочу сказать, сердце выписывает сумасшедшие кульбиты, когда его взгляд опускается на мои губы, и он поджигает свои. Словно хочет поцеловать, словно с трудом сдерживает себя. – Я не справлюсь, – шепчу, и это действует на него отрезвляюще.

– Идем, – говорит тихо мужчина, с каким-то сожалением отстраняясь, и тянет меня за руку, посильнее перехватывая ладонь. – Все пройдет быстро, – вроде как приободряет, только вот действует это с точностью наоборот.

Но пути назад нет.

Вдох, выдох.

Собрать всю свою силу воли в кулак и превратиться в перwokлассную актрису. И плевать, что, по большому счету, весь наш “спектакль” шит белыми нитками.

Глава 9. Настя

Как там сказала Илья, когда мы летели в самолете?

Моему старику?

Да, чтобы все так старики выглядели, как его отец, который буквально пышет энергией! Удивительно, но Сергей Денисович потрясающе выглядит для своих лет и совершенно не создает образ уставшего и собравшегося на покой человека. Высокий, хотя, судя по росту сына, другого можно было и не ожидать, поджарый, с хитрым прищуром светлых глаз. Волосы почти что пепельные, прилично окрашенные седinouй, которая ему очень идет, и с забавной бородкой. В брюках и светлой рубашке-поло, с кроссовками на ногах – прямо молодой мужчина и еще даст фору сыну.

А мама?

Мама у Ильи – сама элегантность, и имя Эмма подходит ей просто идеально. В свои годы она в такой прекрасной форме, что любая молоденькая девушка позавидовала бы. В сиреневом платье-футляре, обтягивающем ее стройную фигуру, с собранными в прическу короткими темными, как смоль, волосами.

Вот только если мужчина смотрит заинтересованно и открыто, то женщина просто испепеляет взглядом и недовольно поджимает губы. Вот, значит, с кем у меня могут возникнуть вполне реальные проблемы.

Пока мы идем жалкие пару метров, что нас разделяют, Илья держит меня за плечи, прижимая к себе, слишком близко в паре «начальник-подчиненная», но недостаточно в паре «жених-невеста». Но это меньшая из проблем, потому что все, что я могу сделать, это сосредоточить все свое внимание на движении ног, чтобы от страха и волнения не запутаться в них. Иначе это будет сумасшедшее фиаско.

Левой-правой. Вдох-выдох, Настя.

С каждым следующим шагом сердце, кажется, стучит все громче, уверена: сам Сокольский его биение уже слышит.

Натягиваю улыбку и делаю глубокий вдох.

– Мам, папа, – улыбается Илья, когда его родители спускаются к нам навстречу.

– Сынок, – тут же трогает губы Сергея Денисовича улыбка, и он кивает, раскрывая объятия и обнимая сына.

– Илюш, – наконец-то сбрасывает маску недовольства Эмма Константиновна, расцеловывая сына, что почти на две головы выше, в щеки. – Наконец-то ты до нас добрался вместе с... – а вот тут ее внимание касается меня, и Илья настойчиво двигает меня ближе к себе.

– Мама, пап, – басит Сокольский, – знакомьтесь: Настя, моя невеста.

Вот и прозвучали заветные слова, только радости особой на лице его предков я не увидела. На лице матери так уж точно. И только сейчас, когда меня с макушки и до пят окатили оценивающим взглядом, я поняла его слова про брендо-

вые шмотки. Буквально вижу, как в глазах “свекрови” крутится счетчик, прикидывая, сколько ее сынок потратил на свою мадемуазель.

Мадемуазель, фу, даже слово какое-то угловатое.

– Здравствуйте, – протягиваю ладонь и смотрю на Сергея Денисовича.

– Милая леди, рад наконец-то увидеть вас воочию, а не по рассказам в телефоне. Сергей Денисович, отец Ильи, – говорит очевидное и берет растерявшуюся меня за ладошку, чуть прикасаясь губами в поцелуе. Галантно. Очень. И приятно, надо признать. Папа у Ильи – тот еще джентльмен, а вот сына не воспитал.

– Взаимно. Много о вас наслышана, – киваю.

– А эта девушка, – делает акцент на последнем слове Сергей, – моя жена. Эмма Константиновна.

“Девушка” – сказано было это с таким теплом и любовью, что у Эммы Константиновны должны были бы зардеться щеки. Но вместо них покраснели мои.

Мать Ильи не шелохнулась и взирает на меня словно сверху вниз, хоть мы и одного роста. И настолько, надо сказать, презрительно, что мне становится неловко, и я машинально делаю шаг назад, отступая. Но пути перекрыты, и я упираюсь спиной в мощную фигуру Сокольского, который успел встать позади меня. Илья укладывает ладошки на мою талию, приободряюще сжимая, и я чувствую, как размеренно вздымается от его дыхания грудная клетка, к которой я при-

жата. Такое его проникновение в мое личное пространство нервирует еще больше.

– Рада с вами познакомиться, Эмма Константиновна, – улыбка от волнения выходит натянутой, а голос хрипит. И мне кажется, что я уже с треском завалила проверку, и эта женщина видит меня насквозь, сразу просчитав, кто я и что я. Но бросив взгляд на тактично покашливающего сына, мать все-таки выдавливает из себя:

– Добро пожаловать... Анастасия.

Сухо, скупое и крайне неприветливо. Обидно, знаете ли.

В нашей четверке виснет неловкая, даже напряженная тишина, которую развеивает детский хохот. Из дома вылетает темноволосое чудо, с разбегу заскакивая на руки к направившемуся в ее сторону Илье.

– Дядя Илья! – крепко обнимает мужчину за шею девчушка, по виду настоящий сорванец. Волосы растрепаны, щеки в грязи, а платье, милое девчачье розовенькое платье измято так, будто она в нем по деревьям скакала, как обезьянка.

– Племяшка моя, привет, – улыбается мужчина, а я с удивлением отмечаю, что такой теплый и добрый взгляд в этих пугающе черных глазах я вижу впервые.

– А это твоя подруга, да? Привет, я Каролина, – обращает на меня свой взор малышка, обвив рукой мужскую шею, вторую тянет мне. На первый взгляд, абсолютный ангелок, но с черными, как у дяди, глазами, которые сейчас смотрят очень и очень хитро, что заставляет поднапрячься. Как он

сказал? Подружмся? Да не похоже.

– Привет, я Настя, – перенервничав, выдавливаю из себя улыбку и пожимаю протянутую маленькую ладошку, а в голове так не вовремя вспыхивает ярким огоньком мысль: я очень хочу детей. Прямо настолько, насколько это вообще возможно. Но, во-первых, “отца” для будущего ребенка у меня нет, а во-вторых... смогу ли я, детдомовская девочка, стать для кого-то настоящей семьей?

– Хм, а я думала, ты страшненькая, – задумчиво говорит ребенок с улыбкой от уха до уха, а у меня, кажется, аж глаза на лоб улетели от такого прямого то ли оскорбления, то ли комплимента. Она явно у дяди научилась.

– Эм... мне сказать «спасибо»? – перевожу взгляд с Ильи на Каролину, и та, хмыкнув, слазит с рук дяди.

– А еще, что ты умнее... как дядя, – задирает нос острая на язычок девчушка.

– Каролина, – осаждает ребенка Эмма, а вот ее сынок уже расплывается в улыбке от уха до уха.

– Ну, вот и прекрасно. Настя красивая, я умный – идеальная пара, мам.

Я сжимаю челюсти до скрипа и выдаю поистине звериный оскал, но он только вальяжно притягивает меня к себе под бок. Обдавая ароматом парфюма и... наглости.

– Илья, – теперь уже недовольный взгляд хозяйки дома направлен на сына, – давайте пройдем в дом. На улице невыносимая жара! – отчеканивая каждое слово, говорит мать Со-

кольского и разворачивается, подхватывая за руку внучку и скрываясь с ней в доме.

– Вы не обращайтесь на Эмму внимания, Настя, она сегодня не с той ноги встала, – извиняющимся тоном говорит Сокольский-старший. Вот с кем у меня есть шансы подружиться, так это с ним. Умный мужик, не в пример сыну.

– Все хорошо, – киваю, делая шаг и сбрасывая с себя загребущую ручищу начальника. – Для всех нас это... – запинаясь и замолкаю, чуть не ляпнув про “непросто”, но тогда мои слова явно были бы не так восприняты.

– В новинку. Для всех в новинку, – спасает положение Илья.

– Да уж, это точно... – тянет задумчиво Сергей, – ну, проходите, показывай своей невесте дом. Спальня ваша гостевая уже готова. Можете принять душ, распаковать вещи, и через час будем обедать, – говорит мужчина, поглядывая на часы, а вот я на этом моменте подавилась воздухом, которого хапнула слишком много от возмущения, когда до меня дошло, что нас еще и поселят в одну комнату!

Три ночи!

Три!

С Сокольским в одной спальне... а если еще и на одной кровати?! Нет. Нет-нет-нет. Нельзя!

– А разве нас поселят не в разных комнатах? – набираясь смелости и наглости, смущенно выдаю, обращая на себя внимание хозяина дома и получая в ответ его снисходительный

взгляд. Буквально ощущаю всеми возможными рецепторами, как напрягся рядом Илья. Да-да, думаю, его перспектива жить со мной в одной спальне тоже не очень прельщает.

– Да ну, бросьте, Анастасия, мы, может, и чтим старые традиции, но понимаем, что в двадцать первом веке уже никто не ждет до свадьбы, – отмахивается, посмеиваясь, Сергей Денисович, а у меня от страха молотки бьют в голове, и красная табличка с надписью “опасно” сверкает перед глазами. – Да и сыну у нас уже точно не восемнадцать, мальчик большой.

И говорит Сергей это так спокойно. Ну да, мы ведь для них жених и невеста. М-м-м... кайф просто! Но выбора-то нет? Или есть?

Ну, только если сбежать.

– Так что располагайтесь, – машет в нашу сторону рукой и скрывается за дверьми виллы Сокольский – старший, оставляя нас наедине.

– Этого не будет! – шиплю сквозь зубы, готовая рвать волосы на голове.

– Выдохни, Загорская, все прошло удачно, – ухмыляется Илья, – Станиславский бы точно поверил. – Еще и посмеивается, негодая, заставляя резко крутануться на каблуках в его сторону, чуть не врезавшись в каменную грудь.

– Только почему-то я Станиславского боюсь меньше, чем твоей матери. Она явно что-то заподозрила.

– А знаешь, почему? – бросая быстрый взгляд мне за спи-

ну, делает ко мне шаг Илья, заставляя отступать, пока спина не упирается во что-то твердое. Кажется, стена, к которой меня и прижимает крупногабаритная фигура спутника.

– Почему? – нет, не говорю, пищу, так как дыхание уже предательски перехватило от ощущения его рук, запаха, дыхания. От ощущения его всего слишком близко. – И вообще-то ты нарушаешь мое личное пространство... опять...

– Потому что нужен жаркий поцелуй для правдоподобности, – заговорщически шепчут мне его горячие губы. И они – эти губы – смеются: открыто так и ехидно. Вот только взгляд выдает моего “любимого” начальника с головой. В нем яростное и неприкрытое желание...

Желание... поцеловать.

И этот голод, что я вижу в чернящих глазах, заставляет упереть ладонки в его грудь, сохраняя между нами хотя бы эти жалкие пару сантиметров пространства.

Всего секунды в моей, стремительно теряющей под его напором разум голове проносятся варианты, что делать, самый дикий из которых – поцеловать самой, так как тело явно требует. Но, хвала мозгу, который пока еще протестует.

Не представляю, как я набираюсь такой смелости, но устраиваю свою трясущуюся ладонку на его колючей щеке и улавливаю во взгляде мужчины удивление. В голове проносится, что, оказывается, это приятно – ощущать его так близко. И я бы, возможно, была не прочь продолжить, будь этот мужчина кем-то другим, а не Ильей Сокольским, моим

боссом-тираном.

Пробегаю пальчиками повыше к вискам, чуть царапая ноготками, и тяну уголок своих ярких губ в соблазнительной улыбке. Меня натурально трясет изнутри, а его руки на моей талии сжимаются все сильнее, когда я, привстав на носочки, подаюсь чуть вперед. Приближаюсь, словно намереваясь накрыть его губы своими, и... замерев всего в паре миллиметров от его губ, шепчу:

– Есть такая птичка... – тихо и проникновенно, – обломинго называется, – щелкаю мужчину по носу, – это единственное, что тебе светит в этот уикенд, Сокольский... – подмигиваю и, пока мой босс не опомнился, выворачиваюсь из захвата и, гордо тряхнув шикарной шевелюрой, которая “ему нравится”, дефилирую в сторону дома. И в самый последний момент, перед хлопком двери за моей спиной, до моих ушей доносится тихий утробный смех Ильи, а я не могу не улыбнуться, невероятно довольная собой, хоть и красная, как рак.

Вот так-то, самоуверенный индюк.

Глава 10. Илья

Заноза!

Маленькая, вредная, соблазнительная заноза!

Но почему мне это так нравится? Почему я ловлю такой искренний кайф от того, как она бесится и тут же краснеет? Смущается, но при этом в открытую объявляет войну, которую пока еще непонятно, кто из нас в итоге проиграет. Можно начинать делать ставки, потому что меня с каждой минутой пребывания рядом с ней ведет все больше. А где-то в груди, там, где предположительно находится сердце, начинает ныть давно забытое чувство.

Не хочу, да и нельзя мне больше вляпаться в историю с чувствами. Моего печального опыта далекие пятнадцать лет назад хватило на всю жизнь, и мне нельзя допустить Настю к себе ближе, чем на уровень желания: удовлетворить физические потребности. Нельзя и все тут, но, черт возьми!

Провожая ее стройную фигурку взглядом, не в силах сдержать смешок. Да уж, такого облома мне не устраивали... да никогда! Обычно женщины сами ищут повод заскочить в мою постель, но кажется, в этом случае попутного “ветра” не будет.

Забираю из машины наши чемоданы, о которых мисс-недотрога совершенно забыла и ухожу с этого жуткого солнцепека. Обычно погода здесь более умеренная: не жарко, не

холодно – комфортно. Но видать, не для нас.

– Надо же, я думал, ты уже утопала осматриваться на местности, составлять план запасных входов и выходов на случай срочной капитуляции, – посмеиваюсь, заходя в просторный светлый холл родительского дома и вкатывая за собой розовенький чемодан Насти, которая стоит в центре огромного светлого зала и с опаской поглядывает на вычурный дизайн родительского дома.

Признаю, здесь и правда есть на что поглазеть.

– Я побоялась заблудиться, – гордо вскинув подбородок, признается нехотя. А щеки-то все еще красные.

Длинными просторными коридорами веду ценную гостью, попутно рассматривая такие знакомые стены, в которых я не был уже ой как прилично лет. Пять, наверное, точно. Все время то работа, то заботы. Да и вообще как-то со временем мы с предками друг от друга отдалились, каждый ведет свою размеренную жизнь и делает это так, как умеет и как хочет. Опять же... до настоящего времени.

Проводив Настю до спальни, что выделили для нас, оставляю в одиночестве возмущенно топтать ножками и дуть губы, что “перепало” такое счастье – ночевать со мной в одной комнате. Честно говоря, как я отношусь к этому, даже не пойму. Меня и раздражает до зубного скрежета такое положение вещей, и, с другой стороны, глупо было ожидать другого. Поэтому-то не предупредил ее сразу, ожидая, сколько

будет шума, и именно поэтому приходится себе напоминать, что руки и другие части тела лучше держать при себе. Мы тут просто в игры играем и не более.

В игры, в которые, Настя права, мать, похоже, не очень поверила. Эмма Константиновна оказалась в своем репертуаре! Цепкий взгляд и недовольно поджатые губы, рычание и сопение. Ничего не поменялось с момента моей молодости. И зря я надеялся, что привези им милую и простую Настю, она растает. Кажется, сделал только хуже. Мать явно недовольна, это написано на ее лице, а вот с отцом Загорская, похоже, найдет общий язык.

Родительницу нахожу в кабинете отца, и, видимо, она свои претензии уже успела высказать ему, потому что он, махнув рукой, со словами:

– Эмма, не накручивай! – вылетает из кабинета и приободряюще хлопает меня по плечу.

Сколько себя помню, мать всегда как-то особенно кичилась своей родословной и жизнью в целом. Выйдя замуж в восемнадцать по договоренности семей, впоследствии нашла в вынужденном браке с отцом настоящую любовь. Еще бы, он ее до сих пор на руках готов носить, несмотря на то, что в каких-то вопросах у любимой женщины до ужаса скверный характер. Всю свою жизнь Эмма Константиновна Сокольская отдавала всю себя семье, за что ей огромное спасибо. И нет, я знаю, что любит, крепко и по-настоящему, но в каком-то смысле ее старомодные взгляды на брак нервиру-

ют и отдаляют нас с Инной от родного гнезда.

Я сбежал на родину от ее влияния и нравоучений, а вот сестра сбежала... замуж.

– Мам, – захожу и закрываю за собой дверь, подготовившись отбивать атаки, но мне выдают только:

– Этой Анастасии здесь не место! – гордо задрав подбородок и сверкнув сталью серых глаз.

Ну что ж, нормального разговора не получится, по-видимому.

– Не дури, мам, – прячу руки в карманы брюк и прямо встречаю её немой упрек во взгляде. – Ты ее даже не знаешь!

– А ты?

– Что это значит? Настя – моя невеста, мы уже полгода живем бок о бок, естественно, я знаю человека, с которым делаю одну жилплощадь и на которой я собираюсь жениться.

– Она же трясется, как птенчик, когда ты рядом! – возмущенно машет тонкими руками мать, – кто она? Секретарша, бухгалтер, домработница?

– Мама!

– В ее глазах явно написана не любовь!

– Это ты за десять минут поняла, да? – ерошу пятерней волосы, вдыхая поглубже. – А кто, по-твоему, лучше?

– Анжела, – сказала, как выстрелила в упор.

– Забудь, – машу головой, отрицая даже мысль, – выкинь из головы свою Анжелу! – бросаю раздраженно и получаю не менее раздраженный взгляд. Но я даже представлять не

хочу эту дамочку в роли своей будущей жены! Если с Загорской еще худо-бедно мы бы смогли в реальности ужиться, то с этой...

– Зря ты так. Я точно знаю, что Анжелика – девочка из прекрасной семьи да и любит тебя.

– Мам! Мне тридцать семь, а не семнадцать, хватит уже. Я тебе четко высказал свою позицию по поводу ваших договорных браков. Нет! – машу рукой, меряя шагами просторный отцовский кабинет с видом на залив. – Дай Насте шанс! Вы с ней даже толком не поговорили, ты уж извини, но ты только недовольно гаркнула в ее сторону, и, естественно, она растерялась! Ты просто не видела себя со стороны.

– Ах, это я виновата! Ну, знаешь ли, Илья, – складывает руки на груди ма, в этот момент чертовски напоминая мне мою Загорскую. Та делает точно так же, когда злится. Этим простым жестом отгораживается от всех и вся.

– Знаю, – киваю, так как вижу во взгляде матери настоящую тревогу. – И даже знаю, почему, но она не Марго.

– Но ты уже сделал однажды неверный выбор и что? Кому от этого легче стало?

– Ты серьезно сейчас хочешь об этом поговорить? – смотрю зло на родительницу, которая, похоже, за своим упрямством не понимает, какие воспоминания берedit.

– Марго, кстати, – нехотя бросает мама, – она в Ницце с...

– Слышал, – перебиваю довольно резко. – Вадик обмолвился на прошлой неделе, и я очень надеюсь, что мы обой-

демся без больших застолий! – делаю акцент на последнем слове, надеясь на благоразумие родителей. Хоть и, кроме злости, больше имя бывшей подруги не задевает совершенно никаких эмоций, но встретиться с ней и с бывшим другом даже спустя столько лет я не готов.

Было, прошло.

Пережил да так, что с тех пор закрылся от отношений абсолютно и открываться не собираюсь. Эта чертова болезнь, и стоит только расслабиться, какая-нибудь тварь всадит тебе нож в спину. Наелся... мне хватило.

– Не надо всего этого фарса, – повторяю уже спокойней.

– Этого я обещать не могу, – выдает мне непоколебимая Эмма Константиновна.

– Мама!

– И да, я позвала на завтрашний ужин Анжелу с семьей, – безапелляционно заявляют мне, даже не дав шанса возразить.

– Какого...?

И вот тут моя выдержка всего на доли секунды, но дает слабину, заставляя зло рыкнуть, сжимая челюсти. Твою ж...

Хочется припечатать кулаком в стену от злости! То ли на себя, что умудрился по пьяни спутаться с этой Анжелой буквально пару месяцев назад, то ли на мать, которая даже спустя сотни сор от задуманного не отступает.

Эта "гостья" может стать для нашей с Загорской игры большой, нет, огромной проблемой!

– Не выражайся! Лукреция – моя лучшая подруга, и она практически член семьи. И раз уж твоя Анастасия такой ангел во плоти, по твоим рассказам, – продолжает мать, а я уже лихорадочно соображаю, как буду выкручиваться завтра, – и к тому же публичная личность, она должна показать себя во всей красе.

Покажет. Твою мать, обязательно покажет. Мне. Свой гнев во всей красе, когда узнает, что у нас намечается светский междусобойчик в обществе моей бывшей любовницы. Отмываться буду еще вечность и один день.

– А ты не могла хотя бы меня спросить, надо ее сюда звать или нет? Настя не клоун на ярмарке, и не зверюшка в зоопарке, чтобы ее всем показывать.

– Моя невестка должна быть светской дамой и уметь держать лицо на публике.

– С твоими раутами твоя невестка сбежит от меня.

– А вот Анжела бы...

– Хватит.

– Вот и посмотрим, кто будет смотреться выигрышной на этом ужине.

Театр. Фарс. Комедия. Называй, как хочешь. И я, мало того, что влип в это сам по уши, так еще и личную помощницу втянул. Теперь и остается только что уповать на внезапное открытие в ней таланта актрисы.

Глава 11. Настя

– Такой огромный дом... – бубню себе под нос, с остерве-
нением развешивая в гардеробной вещи с ценниками, пря-
миком из магазина. – Неужели нельзя было выделить мне
отдельный скромный угол? Да и, в конце концов, тут сотня
спален! А мы спим в одной!

– Десять, – слышу за спиной и подскакиваю, роняя изящ-
ный кремовый костюм. Дверь открылась так тихо, что я за
своим праведным гневом даже не заметила. Тут вообще есть
петли и знают ли жильцы этого замка, что, если эти петли не
смазывать, у некоторых левитирующих по воздуху Соколь-
ских не будет шанса явиться неожиданно?

– Что? – поворачиваюсь к зашедшему Илье, который за
эти пятнадцать минут, что мы не виделись, кажется, серьез-
но посмурнел. Хмурые брови и заостренные скулы говорят
об урагане, что бушует внутри. Обычно в рабочее время это
значит: “сейчас будет а-та-та”. Но тут... И почему мне опять
его жалко?

– Спален, говорю, тут десять, – кидает мужчина, попут-
но стягивая с себя рубашку, и бесстыдно сверкает идеаль-
ным телом, заставляя мои щеки запылать и поспешно отве-
сти взгляд от манящих кубиков.

– Отлично. Но это не меняет того, что ты спишь на ди-
ване, – говорю в стену, кусая губу и с усилием вытравливая

из головы сногсшибательную картинку голого начальника. Ну ладно, не совсем голого... на ногах-то брюки. А вот если бы... нет. Нет, Настя! – Ты точно спишь на диване! – выдыхаю возмущенно, злясь сама на себя.

– Нет.

– Да! – уверенно стою на своем.

Тут всего взгляд, а если потрогать? А если провести пальчиком по каждой впадинке? Что со мной произойдет, если я с этим аполлоном, словно высеченным из камня, в одной кровати окажусь? Хоть она и, кажется на вид, метра четыре, не меньше, но я не могу гарантировать, что мое изголодавшееся по мужским ласкам тело само к нему не поползет. Нет, нельзя, однозначно!

– Раз уж ты эту кашу заварил, тебе и отдуваться. И я девочка, мне нужно уступать.

– А я не джентльмен. Поэтому и не подумаю.

– Диван, Илья.

– Нет, – слышу уже совсем близко, буквально в паре сантиметров от своего уха. Волоски на руках встают дыбом, когда его горячее дыхание обжигает мою щеку. – Настя, мы же с тобой взрослые люди. Давай не будем разводить балаган? – приклеивается ухмылка к соблазнительным губам мужчины, и только я собираюсь снова отвести взгляд, как его длинные пальцы сжимают мой подбородок, останавливая. – Есть проблема?

– Есть, – говорю сквозь зубы, – я не сплю с незнакомыми

мужчинами.

– Мы уже два года работает бок о бок.

– Тем более!

– Настя-Настя, – приторно тяжело вздыхает Илья, убирая свою руку. – Я сплю на кровати, а ты, как хочешь. Видишь ли, мне моя спина еще нужна, а после сна на этом диване мой позвоночник рискует высыпаться в трусы, – одаривает меня снисходительной ухмылкой Сокольский и, откинув рубашку на кровать, скрывается за дверью в ванную комнату, демонстративно громко хлопнув.

Буквально доли секунды – и из душевой слышится шум воды, а это означает жирную точку в нашем диалоге.

Отлично. Супер. Замечательно просто.

Устало присаживаюсь на софу, которую, на самом деле, и диванчиком-то не назвать, и, прижав к сердцу, как родного ребенка, дорогуший шелк нового костюма, пытаюсь смириться со сложившейся ситуацией. В конце концов, Сокольский прав. Я девочка большая и смогу себя контролировать. А он взрослый мальчик, у которого, помимо меня, куча женщин, и в мою сторону, в постельном плане, он, уверена, даже не взглянет. А значит? Значит, что волноваться мне незачем. Соберу всю волю в кулак и как-нибудь переживу его храп на соседней подушке. Хотя нет! Сокольский же человек из высшего общества. Такие не храпят и вообще простые мирские слабости им чужды.

Пока Илья освежался с дороги, я успела развесить весь

свой внушительный гардероб, которого явно много для пары дней, и в сотый раз осмотреться вокруг, особенно прилипая взглядом к окнам. Они здесь высокие, как и во всем доме, и занимают всю стену, за которой открывается потрясающий вид на отвесную скалу с плещущимся и бьющимся о скалы морем. Вода пенится и с новой силой накатывает на гору, ударяясь, не в силах покорить этого исполина. Завораживающее зрелище. Особенно когда стоишь в прохладной комнате с кондиционером, прячась от жаркого палящего солнца.

Ну что ж, наверное, все не так плохо и страшно. Приняли, не могу сказать, что сильно радушно, но зато совестью за вранье мучиться точно не буду. Эмма Константиновна – тот еще фрукт. “Девушка” с характером, и уж она потреплет нервишки, даже не сомневаюсь. А вот Сергей Денисович вполне себе приятный мужчина.

– Сокольский, – стучу в дверь ванной комнаты, за которой слышу возню. – Я могу взять твой телефон?

– Загорская, тебе, может, еще пароль от банковской карты сказать? – слышу с той стороны недовольный бубнеж.

– Мне нужно позвонить подруге и сказать, что мы долегли.

– А со своего? – приоткрывается дверь, и показывается Илья.

И зачем я только пронаблюдала путь капельки воды, что с его темной шевелюры упала на грудь, и покатилась все ниже... ниже... и ниже... туда, где крепкий торс заканчивается

и...

– Эм... так, – машу головой, сгоняя наваждение, но кажется, мое “любование” незамеченным не осталось.

– Я могу выйти весь, – смеется Сокольский своим роко-чушим низким смехом и дергает дверь, – у меня есть еще на что посмотреть, Загорская. – И опять это протяжное и рычащее “р-р-р”.

Ар-р-р-р! Можно уже быстрее закончить эти выходные? Хочу обратно в свою скромную квартирку, где сердце не ухало в пятки и обратно по сотне раз за час!

– Знаешь, я поняла, почему ты все еще не женился, – отворачиваюсь и кидаю ему сдернутое с кровати покрывало.

– Ну-ка, просвети?

– Да вас же ни одна женщина не вытерпит, господин большой босс! Такого жадину, вечно занимающегося самолюбованием. У тебя, наверное, по всей квартире зеркала висят, я права? Девицы, наверное, поэтому так часто меняются в твоей постели? Сбегают, бедненькие, – посмеиваюсь, довольная своей колкостью, и приготовилась ловить удар в ответ. В какой-то степени такие пикировки – это уже что-то привычное и неотъемлемое в наших “отношениях”.

Но Илья молчит.

Я не слышу даже его любимого издевательского смешка в ответ. Вообще ни звука. Поэтому даже приходится обернуться и, воровато бросив взгляд на Илью, уловить его задумчивое выражение на лице. Черные глаза Сокольского смотрят

не мигая. Пригвождая к месту и едва ли не перетирая в порошок.

– Я не женат, Настя, – чеканя каждое слово, – потому, что, может, я и гад, но у меня тоже есть сердце. – Голос ровный, но кулак, что держит обмотанное вокруг узких бедер покрывало, сжат с такой силой, что костяшки побелели, а чуть выступающие вены на руках вздулись. – Я однажды сделал такую дурость, как предложение. Закончилось это скверно.

Я растеряна.

В ступоре. И даже не знаю, что на это ответить.

Он был влюблен? Хотел жениться?

Да ладно...

И что это за минута откровения? Его так сильно задели мои слова?

– П-п-прости, если... обидела, – морщусь, так как дурных мотивов за душой точно не держала. И вообще, язвительность – моя маска. Мое любимое оружие, чтобы скрыть страх и неуверенность. – Я хотела пошутить... не более.

– Телефон на тумбе, звони, куда нужно. Через пятнадцать минут освобожу тебе ванную, – бросает и уходит, оставив меня все в том же “зависнутом” состоянии.

Кажется, я, сама того не осознавая, задела очень и очень болезненную для Сокольского тему. И будь я чуть смелее, возможно, даже пристала бы с вопросами, но думаю, мое любопытство явно будет неуместным.

Сгребая мобильник Ильи, выхожу из спальни и спешу на

задний дворик, который заприметила по дороге. Торопливо набираю номер Ксю, и уже через пару гудков слышу жизне-радостный возглас подруги на том конце провода:

– Долетала? Ты в раю? – конечно, она сразу поняла, кто ей набирает, потому что предусмотрительная я перед отлетом отправила подруге номер Ильи, чтобы в случае чего мой хладный труп знали, где искать.

Шутка.

– Первое – да, а вот второе, пока не поняла, к чему ближе, – понижаю голос до шепота, – но, скорее, ад.

– Все настолько плохо?

– Да не то, чтобы да, но и нет.

– Так! Настя, хватит говорить загадками, можешь выложить спокойно?

– Не могу, – шиплю в трубку, – здесь в любой момент кто-то может подслушать, единственное, что могу сказать, эта Эмма Константиновна такой невестке совсем не рада. А вот Сергей вроде ничего, – делюсь с подругой, прогуливаясь по дорожке вдоль пальмочек и неожиданно выходя к бассейну, что, кажется, завис на самом краю поляны.

– Вауч!

– Что там?

– Потом скину фотки. Я пока без своего телефона. Но ты бы только знала, какая тут красота, Ксю, – вздыхаю, невероятно жалея, что лучшая подруга всего этого увидеть не может и, наверное, не сможет, просто потому, что нам с ней та-

кая роскошь, скорее всего, и не светит никогда. – Да ладно, в общем, – отгоняю от себя печальные мысли. – Ты там как?

– Работаю, – прозвучало без особого энтузиазма. – Сегодня опять с Костиком покусались. Вот не пойму, почему я его с баром до сих пор не послала лесом?

– Влюбилась.

– Нет.

– Да, – ухмыляюсь, присаживаясь на диванчик, примостившийся под навесом у бара. Перед глазами проносятся с десяток наших с Ксю посиделок и перетираний косточек нашему мужскому окружению. Боссы были для нас обеих своеобразной “больной темой”. Костик – директор бара, в котором Ксюша работает, и по совместительству молодой парень, к которому эта упрямица неровно дышит. – Ты слишком остро на него реагируешь и часто о нем говоришь, – подмигиваю в пустоту, хитро улыбаясь.

– Ой ли! Никого не напоминает? С тем же успехом я могу сказать, что ты втюрилась в Сокольского, – фыркает на том конце провода собеседница, а у меня второй раз за день почти сердечный приступ.

– Чушь! – завопила, подскакивая с места, но тут опомнившись, понижая голос до уровня шепота. – И ты прекрасно знаешь, какие у нас отношения. Он совершенно не в моем вкусе и...

– Кхм-кхм... – слышу за спиной и резко оборачиваюсь, встречаясь с колючим взглядом “свекрови”.

– Я перезвоню, – бросаю слишком торопливо и скидываю. – Эмма Константиновна, простите, я вас не...

– Настя, – перебивает меня статуя Эмма, сложив руки на груди. – С кем ты разговаривала? – нет, не спрашивает, требует ответ женщина.

– С... подругой, – морщю носик, уже заранее предчувствуя нерадостный финал нашего первого диалога.

– Да? – выгибает идеальную бровь мать Ильи и делает ко мне шаг. Пугающе. Очень. – Дай-ка мне... – тянет руку и перехватывает мою правую ладонь, в которой зажат мобильный Сокольского. – Что-то я не пойму, это новая мода такая?

– О чем вы?

– Кольцо. Где твое кольцо?

– Какое коль... – начинаю и тут же замолкаю. Вместе с Эммой, как дура, плююсь на свой безымянный палец правой руки. Кольцо. Помолвочное. И правда... черт, Илья! В авантюру втянул, а продумать, как следует все, не соизволил.

– Эм... так я после перелета сняла с себя все украшения, – показываю на голые запястья и шею, где нет ни одного украшения, которые я и правда сняла, оказавшись в спальне. Остается только уповать на то, что при первой встрече хозяйка дома не смотрела на мои руки.

– В нашей семье считается плохой приметой снимать помолвочные кольца, – выдают мне тоном строгого учителя, – немедленно надень.

– Да, конечно, хорошо, – вымучиваю улыбку и уже хочу

убежать и выдать Илье очередную порцию гадостей за подставу, но женщина перехватывает мое запястье и заставляет обернуться.

– Я хочу, чтобы ты знала, Анастасия, – чеканит каждое слова Эмма, – ты не устраиваешь меня в роли невестки, – удар номер один. – Моему сыну нужна более умная и смелая особа, – удар номер два. – И я не верю в твои чувства, – финальный. Между нами устанавливается молчание и упрямое бодание взглядами. Мне только и остается, что поджимать в недовольстве губы и молча проглатывать обиду.

Собственно, мне мои же мысли и озвучили. Вот только в глупости и трусости меня еще никогда не обвиняли.

– Я вас поняла. Эмма Константиновна, – стоит неимоверных трудов и полной мобилизации запасов силы воли. – Простите, – сама не понимаю, за что извиняюсь: за то, что, выдернув руку, ухожу, цокая каблуками по брусчатке, или за то, что не оправдала ее ожиданий как невеста.

Плевать.

Три дня, и я буду дома. И с этой высокомерной дамочкой больше никогда не увижусь!

Глава 12. Настя

В спальню захожу на трясущихся то ли от злости, то ли от испуга ногах и первым делом лечу к ванной комнате, уверенно отстукивая в дверь ихтиандру Сокольскому, который все еще “освежается с дороги”.

Нам с ним срочно нужно придумать, где взять кольцо, и это я ему и сообщаю, когда он, раздраженно дергая, ручку выходит. Хвала небесам, не в полотенце или чего еще хуже – голый, а уже в джинсах и светлой футболке, что непозволительно сильно обтягивает рельефный торс, и с мокрыми волосами.

– Где пожар, Настя? – спрашивает, как мне кажется, слегка раздраженно, забирая протянутый мобильный. Как всегда, он само спокойствие и даже бровью не повел, несмотря на то, что я от переизбытка эмоций чуть ли не подпрыгиваю на месте.

– Как тебе? – поднимаю правую руку и машу ладошкой перед его глазами, покручивая, чтобы лучше разглядел. Что? Вот именно, что ничего. – Нравится? – говорю с упреком, хотя признаю, и сама хороша. Совершенно не подумала об этой маленькой, но значительной детали. – Изящно смотрится, не правда ли?

А я говорила, что из меня актриса так себе!

– Ты о чем? – хмуря брови, спрашивает Илья. – Нарыва-

ешься на комплимент? – перехватывает мою ладошку, сжимая пальчики и тут же притушая всю мою спесь, – очень и очень изящные, да, Настя.

– Да я о том, кхм, – сглатываю вставший в горле ком, – о том, что твоя мать только что ткнула меня носом в отсутствующее на моей руке помолвочное кольцо, о котором, очевидно, должен был позаботиться ты, жених, – говорю, ожидая паники с его стороны, и тычу кулаком в каменную грудь, но мужчина не высказал никакого удивления и даже не пошатнулся. Вся его реакция была выражена абсолютно спокойно:

– Точно! – прищелкнул пальцами, – так и знал, что что-то забыл отдать.

– Забыл? Отдать? Так ты, что ли...

– Именно. Неужели ты думаешь, что я совершенно не подготовился? – бросает на меня взгляд, полный превосходства, Сокольский и, запустив руку в свою дорожную сумку, выуживает оттуда маленькую красную бархатную коробочку.

Ну вот, я даже слегка разочарована, что не получилось поймать его на невнимательности. Наш педант-перфекционист и тут оказался до зубного скрежета подготовленным.

– Думаю, с размером угадал, – поднимает крышку и достает аккуратное колечко с огромным камнем. Нет, с гигантским камнем, который так и переливается на солнце, сверкая разными оттенками от зеленого до фиолетового.

– У меня рука отвалится от такого количества каратов! А если учесть, что твоя мать будет пристально следить за его

наличием на моей руке, так это же сутки напролет я должна таскать такую тяжесть на своих тонких пальчиках! – выдаю возмущенную тираду. Хотя кого я обманываю, стоило только увидеть эту ювелирную красоту, как в голове щелкнуло. Да уж, Сокольский совершенно не поскупился на свою “невесту” и поистине “держит марку”. Только дорогие вещи, известные бренды и изящная ювелирка. И да, каждая вторая бы душу дьяволу продала за такое украшение хоть на четыре дня, еще и в комплекте с таким мужчиной, как Сокольский. Продала бы? Ну вот... я и продала.

– Не переживай, ночью ты можешь его снимать.

– А ты уверен, что Эмма Константиновна не залезет к нам в спальню, чтобы проверить? – ухмыляюсь, понимая, что, наверное, я бы не удивилась и такому поступку с ее стороны. Тем более после услышанного в свой адрес у бассейна. Сейчас не то, что мой шаг, мой каждый вздох будет ею рассмотрен, как под микроскопом.

– Вот, это, кстати, еще одна причина спать в одной кровати, – посмеиваясь, говорит Сокольский. – Надевай, – протягивает мне зажатый в пальцах аккуратный золотой обруч, выжидательно гипнотизируя своим взглядом.

– А как же встать на одно колено? Скрипка, лепестки роз, торжественный момент? Ты все-таки мою руку и сердце на всю жизнь просишь, а не на работу на пару часов выйти.

– Обломинго. Помнишь? – подмигивает негодяй своим черным глазом и расплывается в поистине дьявольской ух-

мылке. — Я вот запомнил, Наст... — не успевает договорить Сокольский, как за спиной щелкает дверь, и тут же врывается в спальню резкий голос его матери:

— Илья, может вы... — говорит женщина, и я не успеваю даже среагировать, как Илья сгребает меня в охапку зачем-то. И пряча руку с кольцом у меня за спиной, вроде как невзначай проезжая по попе, приобнимает.

— Кхм... мам? — смотрит на родительницу, которая, словно рентген, сканирует нас, ну, уж слишком пристально. И, видимо, и сын ее это замечает, потому что приобнимает еще чуть сильнее, целуя в висок. — Ты не могла бы стучать, перед тем, как зайти? — просит вроде как невинно, но Эмму это жутко коробит.

— Я в своем доме.

— А мне не пятнадцать, и мы могли с Настей здесь отнюдь не беседы вести, — говорит, как всегда, спокойно, совершенно не тушуясь перед матерью, тогда как я от предположения “чем мы могли тут заниматься” краснею и бледнею, а сейчас, наверное, вообще зеленею.

— Поняла. Ждем вас в столовой. Через час будет обед, — недовольно бросает Эмма Константиновна и выходит, ощутимо долбанув дверь.

Надо же, из какого бы общества дамы ни были, они все выражают свой гнев разнесением косяков и разбитием дверного полотна в щепки.

— Ты очень резко с ней, — подаю голос, когда Соколь-

ский-таки ловит мою правую ладошку и натягивает на безымянный палец кольцо.

Да уж, не такую я в своей жизни помолвку представляла. Я, как минимум, планировала рыдать от счастья и, как максимум, упасть в обморок.

– Я люблю свою мать, но она умеет переходить границы, – говорит Илья и на доли секунды, натянув колечко до конца, замирает с моими пальчиками в своей ладони, рассматривая мою ладошку. Мне кажется, он хочет что-то сказать, поднимая свой взгляд исподлобья, но потом, передумав, ухмыляется. – Неплохо, однако, смотрится, Загорская. Может, нам и правда того?

– Чего того?

– Свадьбу. Детишек. Дом, – говорит и, словно издеваясь, улыбается.

Нет, ну, вот гад ведь. Точно, гад!

– И не того и не этого! – показываю язык и, выдернув пальцы из захвата, беру с полки полотенце и демонстративно ухажу.

Хочу в душ. В ледяную воду. Срочно.

А еще не хочу видеть его взгляд, хочу смыть его сногшибательный парфюм, который, кажется, прочно въелся в мою кожу вместе с его прикосновениями, и вообще хоть на полчаса хочу получить личное пространство. Выдохнуть и взять себя в руки, перестав растекаться лужицей при одном его взгляде.

Что происходит? Что так поменялось-то? Он как был несносным начальником, так им и остался. Просто антураж поменялся. Картинка стала ярче, а вот моя к нему ненависть сильнее.

Однозначно.

Парочка свободных часов до обеда стали для меня спасительным глотком воздуха.

Приняв душ и переодевшись с этого жаркого платья в легкий сарафан, я смогла-таки уломать Илью провести для меня небольшую экскурсию по дому, который оказался раза в три больше, чем я предполагала. А еще примерно в десяток раз дороже по обстановке, чем я прикидывала.

Что ни картина, то мировой шедевр. Что ни мебель, то дорогие породы. Множество спален, наличие которых снова заставляет злиться на такую несправедливость, как необходимость ночевать с Ильей в одной комнате, пара кабинетов, личный спортивный зал и отдельный домик для персонала. Конечно, не Эмма Константиновна же прикладывает свои ухоженные ручки к уборке и готовке. Да и чтобы убрать такой дворец одной, нужен, наверное, месяц. Поэтому в штате семьи Сокольских работают, как минимум, два личных повара и две горничных. Еще пара ребят из службы охраны.

Пока мы бродили по дому, и я с огромными от удивления глазами рассматривала чуть ли не каждый угол, Илья, совершенно не понимающий, что значит “попасть в другой мир”,

терпеливо шел за мной и только изредка посмеивался, напоминая, что я рискую своей слюной испортить их персидские ковры.

– Давно твоя семья владеет этим домом? – спрашиваю, когда уже спускаемся по широкой лестнице в фойе, направляясь на тот самый обед с семьей. Честно говоря, от мысли, что придется снова встретиться с хозяйкой дома, меня слегка потряхивает.

– Мне было примерно семь, когда мы сюда переехали, – заложив руки в карманы, с мечтательной улыбкой на губах говорит мужчина. – Помню, для меня этот дом казался чересчур огромным, и я вечно боялся в нем заблудиться.

– Правда? – смеюсь, замирая и не дойдя до пола двух ступенек. Стоит только представить такого вот взрослого и уверенного в себе Сокольского маленьким трусливым мальчишкой, губы расплываются в улыбке сами собой. Картинка, мягко говоря, забавная и до ужаса милая.

– Правда, Настя. Ничто мирское мне не чуждо, – обводит взглядом белый мрамор стен и, ловя мой заинтересованный взгляд на себе, совершенно по-джентельменски подает руку. – С тех пор, правда, здесь шел ремонт и не раз. Лет десять назад родители практически с нуля все сделали. Провели капитальную перестройку.

– Ты любишь сюда приезжать? Просто, сколько мы работаем... – выпаливаю и тут же понижаю голос до шепота, – ну, в общем, нечасто ты летал в Монако за эти два года.

– Ты, однако, знаешь обо мне все, Загорская?

– Ты удивишься, как много, – усмехаюсь, припоминая, сколько мы вместе “пережили”. – Но, думаю, что все же не все, – продолжаю задумчиво и вкладываю свою ладошку в его. – Так ты не ответил.

– Не особо, – кажется, спустя целую вечность говорит Илья.

– А что так?

– Есть воспоминания, которые... – поджигает губы Сокольский и отводит взгляд, подталкивая меня к тому, чтобы продолжить путь. – Просто у меня нет на это времени.

Врет.

Точно врет. Уж я-то знаю.

Но, думаю, раз Илья говорить не хочет, зачем я буду лезть в его душу. Да и вряд ли эта информация принесла бы хоть какую-то пользу в нашей игре.

– Знаешь, меня и правда беспокоит, что я о тебе почти ничего не знаю, – спустя какое-то время говорит мужчина, притормаживая у дверей в обеденный зал. Место, мягко говоря, неуместное для такой беседы, но его это, кажется, совершенно не смущает. – Стоило бы это исправить.

– Н-да? – ухмыляюсь, – не беспокойся, моя жизнь не так интересна, как твоя, – улыбаюсь, но как-то печально, и Илья это замечает, а потом и вовсе перехватывает взгляд, устремленный в окно.

– Кто твои родители? Братья, сестры? Кошки, собаки? С

кем живешь? – посыпались на меня вопросы полупшепотом, как из рога изобилия. И тон, и взгляд говорят об абсолютной заинтересованности Сокольского. Надо же, ему стала интересна чья-то персона, кроме его самого?

Я почти польщена.

– Разве тебе не отправили на меня досье? Личное дело? Резюме? Хоть что-то? – удивленно выгибаю бровь. – Сейчас не самое лучшее время для знакомства, – стараюсь тонко намекнуть, что с той стороны двери слышится возня. Мы сейчас ступили на очень опасную дорожку: вести такие беседы в доме, где полно ушей, ведь, по легенде, мы все друг о друге знаем от и до.

– Не читал, – отвечает спокойно, как, само собой разумеется, и это неожиданно задевает. Значит, я и правда так ему неинтересна, что он даже перед полетом не полюбопытствовал, кого с собой берет? Чертовски обидно.

– Ну, тогда все, что пожелает ваша фантазия, Илья Сергеевич, – отвечаю, как мне кажется, немного резко, понимая, что он, похоже, и правда не догадывается, что “за спиной” у меня никого. Пустота.

Он же на мою реплику только ухмыляется и, больше не говоря ни слова, открывает дверь, за которой нас встречает просторная светлая столовая. Длинный стеклянный стол, за которым сидят уже ожидающие нас хозяева виллы: Эмма Константиновна и Сергей Денисович.

Рука Сокольского уже по обыкновению ложится на мою

талию, чуть сжимая и по-прежнему волнением отдаваясь где-то в груди. Но в противовес внутреннему состоянию на наших губах гуляет расслабленная улыбка.

Взмах ресниц, невинный взгляд и полное погружение в образ глуповатой модельки.

Возможно, из меня и правда вышла бы неплохая лицедейка?

Глава 13. Настя

Илья учтиво отодвигает мне стул, приглашая присесть и как бы невзначай сжимая ладонями плечи. Вроде простой жест, но в этой ситуации он кажется таким интимным, и, похоже, точно так же думает и хозяйка дома, потому что одаривает меня презрительным взглядом, как бы напоминая о нашем недавнем разговоре. Снова опалая своей ненавистью.

– Как долетели? – нарушает тишину за столом отец Сокольского, разливая по бокалам вино для нас с его женой и виски для себя и сына. Атмосфера не сказать, чтобы напряженная, но я точно чувствую себя не в своей тарелке.

– Отлично. Все-таки я понял, что предпочитаю передвижение на частных рейсах. Ты не собираешься в столицу? – вовлекает отца в беседу Илья, попутно протягивая мне бокал и совершенно случайно касаясь меня, и это прошибает током, поднимая волоски на руках.

– Спасибо... – выходит тихо и сдавленно. Нет, так дело не пойдет. Если мы хотим играть “любовь”, нужно максимально убрать все лишние реакции. Только как это сделать, кто бы сказал?

– Планирую в следующем месяце. Пара рабочих вопросов и потом, я надеюсь, эта головная боль перейдет к тебе, сын, – смеется мужчина. – А вы любите летать, Настя? – кажется, взял на себя роль двигателя беседы за столом Сергей.

– Ну, о чем ты, Сережа, – подает голос Эмма, даже не дав мне рта раскрыть. – Конечно, надо полагать, раз наша Настя – модель. Знаешь, сколько городов и съемок бывает за сутки в этом модельном бизнесе? Я думаю, она в самолетах практически живет, да, Анастасия? – бросает взгляд на меня, замирая с вилкой в руке, а за столом виснет тишина.

И вот вроде ничего обидного не сказала, но каждое слово, словно иголка, бьющая точно в цель.

– Работа и правда, не самая простая, – говорю осторожно, сжимая и разжимая ладошку от нервов.

– Да и, честно говоря, так себе это занятие, – добавляет поспешно женщина, словно и не слышала меня, сморщив свой аккуратный носик. – Я ожидала чего-то более... серьезного.

– Ма, – кашляет предупреждающе Илья, упирая локти в стол. – Прекрати, – одаривает родительницу недовольным взглядом, буквально закипая с каждой секундой. Но его мать либо делает все это намеренно, желая высказать свое неудовлетворение невестой, либо же она не понимает, что этот прямой выпад в сторону сына его задевает. И не на шутку.

– А что «ма»? Я правда никогда не понимала, что девушки такого привлекательного находят в том, чтобы ходить полуголыми по подиуму туда-сюда и светить своей наготой?

– И, тем не менее, ты сама активная гостья всех Миланских показов, дорогая, – кидает ответную шпильку за меня Сергей, а Эмма аж побагровела, бедная. По крайней ме-

ре, у меня в этой войне есть, как минимум, один союзник. – Не так давно вернулась и в красках расписывала мне, какие стройные ноги и потрясающая фигура у девушек. Так что... – посмеиваясь, продолжает отец Ильи. – Нашему сыну определенно повезло, Настя, вы красавица! – уже обращаясь ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.